

ШОЛОХ

АКАДЕМИЯ
БУРЯ

АНТОНИНА
КРЕЙН

ЗЕРКАЛА
УМЕЮТ
ХРАНИТЬ
СЕКРЕТЫ

Антонина Крейн
Шолох. Академия Буря
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Шолох»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65682226
Шолох. Академия Буря: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-121071-7

Аннотация

Ладиславу Найт ждут непростые полгода. Пытаясь убежать от себя, она отправляется на далекий остров Этерны.

Берти Голден-Халла – детектив – тоже скрывается от прошлого. И вместе с ним Лади готова нырнуть в опасное расследование.

Древние тайны, магическая Академия и остров, полный загадок. Буря разразится через три, два...

Содержание

Предисловие. Добро пожаловать в Бурю!	5
1. Новенькая на острове	8
2. Спальня номер тринадцать	22
4. Близнецы с секретом	37
3. Великая Трапезная	50
5. Исход лета	66
6. Ей придется ускориться	91
7. Круг замкнулся	103
8. Ночной разговор	122
9. Корпус загадок	132
10. Ладислава бежит и раздевается	154
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Антонина Крейн

Шолох. Академия Буря

© Крейн А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Предисловие. Добро пожаловать в Бурю!

Пока жизнь Ловчих в Шолохе идет своим чередом и неизбежно разворачивается в сторону новых приключений, весь остальной материк Лайонассы тоже не скучает.

Судьбы его жителей полны своих драм и загадок, которые иногда вплетаются в знакомое полотно. И, возможно, однажды самостоятельная история, случившаяся за сотни километров от Шолоха, в далекой островной академии, сыграет свою роль в судьбе Ловчих и хранителей.

Так что добро пожаловать в Бурю!

Пожалуйста, не забудьте назвать свое имя и род деятельности, когда будете пересекать границу королевства Асерин, что раскинулось на самом юге материка.

КАРТА ЛАЙОНАССЫ

1. Новенькая на острове

В Асерине вы можете получить высшее магическое образование в трех местах: в Королевском университете Минакора, в Пурпурном университете Саусборна и в Академии Буре, расположенной на удаленном острове Этерны.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся

Ладислава Найт облокотилась о шершавый борт корабля и с любопытством посмотрела на землю, выплывшую из-за горизонта.

Остров Этерны!

Настоящий край света – ниже на карте ничего и нет. Дикий берег, облюбованный рыбаками и магами. Три деревни, одна академия, две тысячи жителей и море надежд. Финальный пункт ее путешествия, яркий аккорд – по крайней мере, так задумано.

Лишь бы все получилось...

Девушка стояла одна на палубе крохотной шукки: остальные пассажиры сидели в кают-компании. Сплошь крестьяне, жители острова, они возвращались домой после ярмарки на материке.

Ладислава смахнула с глаз светлую челку. В шерстяной

пастушьей накидке было изумительно тепло, яркая бахрома по краю подпрыгивала на ветру в нетерпении: скоро уже приплывем? Маленький саквояж в руке был наполнен деньгами. Ладислава пока не знала, как распорядится свалившимся на голову богатством, но мысль о нем уже доставляла девушке удовольствие.

Впрочем, не меньше радости дарил и пейзаж: море вокруг горело иссиня-золотым... За золото отвечал закат: солнце бахталось в мягких волнах, поблескивая от щекотки.

Ему навстречу из-под воды выползала свинцово-мрачная тень, напоминая о неумолимо подступающей осени. Сам остров Этерны приближался, величаво набухая, будто сливки в руках умелой взбивальщицы.

Странное это место, говорят. Древнее. Неприкаянное.

Ладислава хотела достать блокнот и зарисовать остров на память, как вдруг...

ВШШШШШШУХ.

Найт охнула и схватилась за борт, когда вода под кораблем стремительно стала убывать, бурля и заворачиваясь в темные спирали. За считанные мгновения по бокам от шукки появились острые скалы, похожие на каменные пальцы.

Из кабины выскочил капитан.

– Д’гарровы чародеи!!! ОПЯТЬ?! – взревел он, всплеснув руками. – Майверус! Быстро сюда! Спасай нас от рифов, живо!

Со всех сторон повывагали моряки, а из откинутой крыш-

ки трюма вылез пожилой колдун. Ругнувшись, он закатал рукава лоскутного свитера: на запястьях сверкнули два красных браслета-накопителя. Одной рукой маг ухватился за штурвал, другой начал выплетать узорчатый танец магической формулы.

Вибрация! Удар!

Судно скрипнуло и, закатив паруса, как глаза, стало медленно заваливаться набок. «Не спас!» – хладнокровно отметила Ладислава.

– А-а-а-а-а! – дружно завопили пассажиры где-то в утробе шукки.

Борт неумолимо взмывал вверх – соразмерно тому, как опускался другой.

– Havern`oi, siib a`grah! – надрывался чародей у штурвала. – Kraa-kren, kraa-kren, kraa-kren!

– Козлы! Все маги – козлы! Опять из-за них все пошло по жвылковой хряське! – стонал капитан, обеими руками вцепившись в борт рядом с Лади.

Ладиславе тоже хотелось ругаться. Может, она даже научила бы моряка паре емких фраз – прямиком из жандармского корпуса, – но рот был занят: в зубах Ладислава сжимала перемычку драгоценного саквояжа.

Так что Найт висела молча и недоумевала, ибо судно, встав почти вертикально, замерло. И больше не тряслось. О борта не бились волны, пробоеин не наблюдалось. Как-то по-другому утлые шукки должны налетать на рифы...

Ладислава скосила глаза на капитана. Он продолжал масштабно сквернословить, но в целом не казался героем чрезвычайной ситуации. Да и хоровое «а-а-а-а» из каюты теперь звучало бодро, как застольная песнь.

Что за ерунда?

И тотчас откуда-то снизу, из-под корабельного дна, донесся дикий, до нутра пробирающий рев. Очень обиженный, будто у самой земли-матушки отняли конфетку.

– Тантаклина! – позвал маг. – Тантаклина, это я, Майверус Гринт! Пожалуйста, наклони голову чуть влево! Я сам недоволен – веришь?

– РУ-У-У-А-Р! – утробно пожаловались волшебнику.

После чего корабль еще раз дернулся и медленно выровнялся.

– Жмыхову мать твою, Академия Буря! – смачно сплюнул капитан, поднялся и тотчас убежал куда-то на мостик.

Ладислава с трудом разжала пальцы. Потом зубы.

Взъерошила и без того дыбом вставшие волосы. Оглянулась. Все сохраняли завидное спокойствие. Несмотря на то, что... Девушка поперхнулась и протерла глаза.

...Да, несмотря на то, что корабль теперь не плыл по Гремящему морю, а приклеился, как диковинная шляпка, к голове огромного кракена.

Кракен сидел на дне морском – сильно обмелевшем – и, кажется, был крайне недоволен тем, что ему не хватает глубины, чтобы спрятаться с макушкой. Он раздраженно бил

щупальцами по скалам, обнажившимся тут и там, и тихо гудел. Эдакий раздраженный младенец.

К Ладиславе, изумленно перегнувшейся через борт, подошел корабельный волшебник.

Его загорелая кожа была исчерчена морщинами, чей рисунок указывал: Майверус Гринт предпочитает не хмуриться, а улыбаться. Таким и старость не страшна.

– Повезло, что кракен был рядом, – выдохнул маг, утирая пот со лба. – Кракенша, точнее. Ее зовут Тантаклина, и она весьма милосердное существо. Пересидим пару часов у нее на затылке, а как вода вернется – поплывем на берег.

Где-то внизу, под кораблем, умопившимся на склизком затылке подводного чудища-амфибии (хвала небесам, что он умеет дышать и воздухом тоже), продолжался невиданный отлив.

Убедившись, что ситуация штатная, Найт тотчас деловито поинтересовалась:

– А почему капитан кричал, что виноваты маги?

– Потому что мы действительно виноваты в таких отливах, – чародей пожал плечами. – Впрочем... Ты же в Академию Бурю едешь, да? Послезавтра начинается учебный год и все такое?

Найт кивнула.

– Там тебе все объяснят, – пообещал Майверус.

А потом зевнул и при этом чуть не вывихнул челюсть. Ладислава увидела, что браслеты-накопители на его руке по-

тухли. Энергия кончилась. Маг поморщился:

– Пойду посплю, надо силы восстановить. А то большое заклинание призыва – вещь эффектная, но сложная.

– Эффектная – это точно! – одобрила девушка. И спросила с надеждой: – А такому заклинанию можно научиться... за полгода?

– За полгода? – маг аж рассмеялся. – Точно нет. Магия – это игра вдолгую. Кстати, приедешь в академию – передай от меня привет господину Берти Голден-Халле.

– Это кто?

– Не скажу: не хочу портить тебе первое впечатление. Как показывает опыт, люди делятся на две категории: на тех, кто любит Берти, и тех, кто еще не успел его полюбить.

Ладислава хмыкнула и подмигнула:

– Вы же не хотели давать мне первое впечатление?

– Ах, ну не старый ли я дурень... Все! Спать! Точно спать! – посетовал маг.

Он попросил недовольного кракена «ссадить корабль помягче, когда вода вернется» и, зевая, ушел в каюту.

Солнце уже закатилось. Последние отблески рыжины тянулись по осевшему морю, как тонкие волосы фатума. Остров Этерны стал в два раза выше, чем прежде. Береговая линия, раньше пологая, теперь возвышалась обрывистыми скалами известняка, выступившими из-за отлива.

Скалы были усыпаны черными дырами... *Хм. Пещеры?*

Ладислава Найт уселась на борт, перекинув через него но-

гу, как через седло. Всмотрелась в бугристую голову кракена, с усмешкой отметила сходство между чудищем и своим бывшим начальником, а потом, закрыв глаза, с наслаждением подставила лицо морскому ветру.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

* * *

Вода не возвращалась очень долго.

Уже совсем стемнело. Утомившийся кракен ворчал подводную песнь, которая проходила на самой границе слуха и вызывала странное чувство: интерес, смешанный с горечью.

Пассажиры высыпали на палубу и курили трубки, посмеиваясь и глядя на жизнь весьма благосклонно. Оранжевые огоньки и резкий запах дешевого табака висели над ночным морем, затянутым немилосердным туманом – и черный бархат подступался к ним со всех сторон, мягко душил молчанием, заставляя думать, что мир здесь заканчивается.

Жизнь заканчивается. Одно лишь маленькое судно – и чернота вселенной вокруг.

«Как вообще в таких условиях можно смеяться», – отстраненно подумала Ладислава, давно уже молча сидевшая у перил.

Когда шукка все-таки пришвартовалась, Найт ждала неприятная новость. В рыбацкой деревне был всего один двор перевозчиков – и тот закрылся на закате. Как и вообще все вокруг.

Порт встретил гостей безжалостной тишиной.

– Мы тут рано ложимся. Главный секрет хорошего сна: засыпать и просыпаться в разные дни, – шепотом пояснил один из матросов. – Боюсь, вам придется идти в академию пешком. Вас магическая дорожка выведет, не заблудитесь.

– И долго идти?

– Часа два.

– Через лес?

– Нет, лес быстро кончится... Потом холмы, кипящие скалы, болото, низина вереска и снова небольшой лесок – сосновый. Но вы не волнуйтесь: в отношении преступников у нас на Этерне безопасно. Даже для такой благородной госпожи! Мы просто слишком ленивы, чтобы разбойничать, – самокритично отметил рыбак и, зевая, ушел во тьму.

С «благородной госпожой» он погорячился, конечно. Перепутать Найт с аристократкой было сложно.

Во-первых, военная выправка.

Во-вторых, растрепанные платиновые волосы, небрежно отрезанные по плечо.

В-третьих, шэппар – свеженькая (и единственная) одежная любовь госпожи Найт.

Куплен позавчера. В количестве семи разноцветных штук

– на все дни недели.

«Шэппарами» назывались толстые шерстяные накидки в форме огромных прямоугольников, с глубоким капюшоном и обильной бахромой по краю. Вообще этой пастушьей одеждой славились горы Асерина: толстые, непродуваемые и очень яркие, шэппары помогали козочкам видеть «начальство» издалека. И прятаться от него ловчее...

Для города шэппар был эксцентричным выбором. Люди морщились, но Ладислава чихать на это хотела.

Ей нравилось. Остальное не важно.

Все эти яркие этнические узоры выгодно отличались от той строгой жандармской формы, которую Лади носила раньше. Радовали глаз и душу. В некотором смысле шэппар напоминал: бери от жизни все – и спирали, и круги, и крестики, и даже нашивку звезды, если очень хочется.

А еще под объемной накидкой удачно прятался кинжал, с которым Ладислава не расставалась и который придавал ей уверенности в такие моменты, как сейчас: когда надо ночью пересекать дымные болота на острове, имеющем крайне неровную репутацию.

Найт подхватила саквояжи – два больших и маленький – и двинулась по сияющей дорожке, услужливо скакнувшей ей под ноги.

Ладислава пока что не умела колдовать. В государстве Асерин вообще немногие учатся магическому ремеслу – в отличие от восточных стран материка, таких как Лесное ко-

ролевство и Шэрхенмиста.

Впрочем, теперь, в академии, Найт попадет в стопроцентно колдовскую среду. Впору было бы занервничать, но девушка чувствовала лишь приятное возбуждение. Идти по острову в одиночку она тоже не боялась. Верила, что может за себя постоять: за спиной три курса в военном университете, отец был шерифом, мать – стражем границ.

В лесу тропинку подсвечивали маг-колокольчики, растущие по обочинам. Цветы загорались, когда Найт подходила, и тихо гасли у нее за спиной. Казалось, лес идет вместе с Ладиславой.

Это было красиво, но небезопасно: путника видно издалека, засаду можно на раз-два сделать. Найт рефлекторно сошла с тропинки и пошла параллельно ей, в уютной темноте.

Накрапывал мелкий, деликатный дождик. Такой стеснительный, мол, я вам не помешаю, нет? Точно нет? Хотите, не буду капать, просто зависну моросью? У вас такие необычные глаза, девушка; а кожа светлая, как драконья кость; и волосы – ах какие у вас густые, пушистые волосы, позвольте я усыплю их жемчужным бисером небес?..

В общем, когда сквозь темные ряды сосен проступили очертания замка, Ладислава уже была истинной дочерью дождя. Восемьдесят процентов воды – удел человека – превратились в ней в добрые девяносто.

Вдруг впереди зажглась другая маг-дорожка, освещенная цветами. Кто-то еще гулял по лесу в этот неурочный час.

Ладислава замерла в кустах бересклета.

По дороге шел высокий светловолосый мужчина. Он был одет в шелестящий зеленый плащ-летягу с треугольным капюшоном, штаны с завязками на щиколотках и шерстяную майку с высоким горлом.

Мягкие полусапоги покрывал узор в виде листьев. Судя по стилю костюма, мужчина то ли приехал из Шолоха, то ли просто любил те далекие земли.

Его породистое, гордое лицо отличалось идеальной симметрией, а на плече незнакомца сидел черный ворон с красными глазами.

Кроме того, от мужчины веяло неясной опасностью: после практики в злчных районах Ладислава ощущала такие вещи на ура.

Девушка прищурилась, всматриваясь внимательнее.

Тропинка вела чужака не из деревни, а откуда-то сбоку, со стороны скалистого центра острова. Но, как и Ладислава, он определенно держал путь в академию. Более того, на его плаще вдруг блеснул кафедральный значок.

Значит, это преподаватель?

Между тем мужчина явно был чем-то взволнован. Он покусывал тонкие губы и хмурился. Обращаясь к птице, незнакомец задумчиво протянул:

– Что ты думаешь об увиденном, Кори? Рискнем ли мы дерзнуть и провести *такое* исследование?..

– Кар-р-р-р! – хрипло одобрил ворон.

Вдруг веточка хрустнула под туфлей Ладиславы.

— Кто здесь? — незнакомец мгновенно вскинулся, зажег меж ладоней пульсар.

Ворон слетел с его плеча и, сверкая глазами, как уголька-ми, с яростным карканьем рванул аккурат к Ладиславе. Девушка быстро шагнула назад, в глубь куста. Но, к ее вящему удивлению, нога не нащупала землю. Пеплов бересклет рос на обрыве.

С трудом удержавшись от вскрика, Ладислава кубарем покати-лась вниз по покатой, мягкой и — к счастью! — почти го-лой почве.

По дороге Найт старалась:

— молчать;

— все так же крепко держать чемоданы;

— сгруппироваться, чтоб сохранить шею в целости.

Последние два пункта слегка противоречили друг другу, но Ладислава любила невыполнимые задачи.

Наконец дно оврага было с успехом достигнуто. Замерев в какой-то жутко неудобной позе, девушка перевела дух. Хлопанье зловещих крыльев отсутствовало. Крики «Убей ее, ворон, убей!» — тоже. Видимо, преподавателя и птицу вполне устроил самоустранившийся свидетель Хрен-Пойми-Чего...

Тучи уже ушли. Звездное небо над головой было демони-чески привлекательным. Россыпь южных созвездий мерца-ла и переливалась всеми оттенками серебра — предпослед-ний день августа, хочется поблистать напоследок, до того как

дымчатая пелена холода потушит этот свет. В лесу и сейчас темно, хоть глаз выколи, а скоро...

– Какие у тебя острые лопатки! – весело сказал чей-то лирический тенор *из-под* Ладиславы. – А попа мягкая. Привет!

А над ухом раздалось собачье:

– Гав!

Вот тут-то самообладание Найт и дало деру.

Девушка взвизгнула, когда человек под ней зашевелился вдобавок к своим словам.

Кажется, этот – уже второй за ночь – чужак хотел еще что-то сказать, но не успел. Ладислава резко привстала на локте («Ауч!» – воскликнул тенор, которому локоть уперся в солнечное сплетение) и с разворота залепила мужчине хорошенький жандармский «хук».

Дружелюбный незнакомец охнул от неожиданности и хотел схватить Ладиславу за запястье, но она уже вскочила и бросилась прочь. Большие чемоданы остались в плену оврага, зато маленький саквояж болтался в руке улепетывающей девицы. Ну и ладно, он ценнее. Пес чужака – кажется, он принадлежал к какой-то маленькой породе – залаял, но в погоню не бросился.

– Хей! – кричал незнакомец вслед Ладиславе. – Подожди!

– Маньяк! – отозвалась Лади, ускорившись.

– Я не маньяк! Я готовлюсь к семинару по техникам наблюдения!.. А ты не туда бежишь, ау! Академия слева!

Девушка на ходу скорректировала направление. Сзади

раздался ехидный собачий лай, которому вторил громкий хохот мужчины. Отвечать им Найт не стала.

Только минут через двадцать Ладислава – грязная, измотанная и с антуражной прической (веточки в роли шпилек) – подгребла к высоким кованым воротам.

За ними виднелась – ура! – Академия Бурия.

2. Спальня номер тринадцать

Легенды гласят, что давным-давно, еще до богов и драконов, наш остров был полон жизни. Но когда пришел черед новой эпохи, жившие здесь существа пропали, а сама Этерна уснула. Заблудившиеся в скалах путники иногда видят призрачный образ дремлющей девы – воплощение острова. Если подойти к ней, она исчезнет.

Из учебника «Наследие Этерны»

Ладислава все топталась у ворот.

Она уже раз двадцать нажала на кожистую кнопку маг-звонка, но никто не спешил ей навстречу. Девушка прижалась лбом к вензелям, имитирующим морские волны, и сосредоточенно вглядывалась в темноту, где притаилась академия.

Впереди была широкая подъездная аллея. По бокам от нее росли корабельные сосны, островерхие кипарисы и дубы, опаленные алым. Из земли вверх тянулись синеватые кристаллы, похожие на расколотые леденцы. За деревьями маячили постройки – коттеджи, теплицы, амбары...

А прямо по курсу высился замок.

Академия, украшенная витиеватыми башнями, балконами, зубцами и подвесными мостиками, делилась на два крыла – Рассветное и Полночное. Где по дороге потеряли

«закат» и «полдень», Ладислава не знала: рекламные проспекты – единственное, что она успела изучить до приезда сюда – молчали об этом.

В Рассветном крыле проходили занятия. Сейчас оно молчало, уставившись в ночь пустыми глазницами окон, и герб, вывешенный на самой высокой из башен, тихо посапывал, оплетая флагшток, как одеяло – ноги беспокойного сновидца. Полуночное крыло отводилось для комнат студентов, поэтому сегодня, в последний день заезда, его изнутри подсвечивали лампы и народное воодушевление. По закрытым шторам бегали, танцевали и сустились тени прибывших адептов. Странные, изломанные силуэты.

Но вряд ли настолько изломанные, как ты, да? Боги-хранители, лишь бы никого из знакомых не встретить.

Наконец Ладиславе надоело ждать, топчась у ворот.

Девушка прижала ладони рупором ко рту.

– Ау! – заорала она. – К вам новая студентка! Я хотела грызть гранит науки, но могу начать с ворот, если не откроете! Уже ем! Ом-ном-ном!

– А ты что, тролль, что ли – чугуном питаешься? – сбоку из темноты вдруг бесшумно вынырнул невысокий, плотно сбитый парень. В руках у него загремела, будто спохватившись, огромная связка ключей.

Ладислава вздрогнула от неожиданности:

– Нет. Я человек. Но очень целеустремленный.

– Ишь! – фыркнул парень, подыскивая нужный ключ. –

Ну проходи, человек...

Ворота с пронзительным скрипом открылись.

Сторож снял с ремня маг-светильник и, постучав по стеклу, пробудил свет. Шар тотчас разгорелся синевато-зеленым. Пейзаж и парень, до того весьма смутные, проступили во всей красе.

У сторожа оказались желтые глаза, серо-коричневые волосы, похожие на перья, и большие уши. Лицо было открытое, дружелюбно-симпатичное. Одежда мешковатая. Найдя ему лет двадцать пять навскидку.

– Идем! – сказал парень. Глянул на девушку и тотчас ойкнул: – А что у тебя с глазами?

– Это врожденное, называется гетерохромия, – привычно буркнула Лади.

И действительно, одна радужка у нее была темно-синяя, вторая – зеленая.

Ладислава не знала, скольких людей в своей жизни она научила слову «гетерохромия» благодаря данной особенности. Притом это был чуть ли не единственный научный термин в ее простом жандармском лексиконе.

Найт и сторож пошли к академии.

Хм, раз «маньяк» тоже отсюда, надо будет его найти. По фингалу. Узнать о судьбе чемоданов. И, наверное, извиниться.

Меж тем вихрастый ключник как-то по-птичьи раздулся:

– Меня зовут Стэн Хлестовски, ко мне на «ты», – гордо за-

явил он. – Я сторож, библиотекарь, ночной человек, колдун и заместитель леди-ректора Элайяны. Я мастер количеств! Ты не найдешь никого, кто делал бы больше, чем я, вот.

«А про качество он помалкивает», – усмехнулась Лади-слава.

Когда она представилась в ответ, Стэн с хрустом почесал вихрастый затылок:

– Кажется, я помню твое имя, – протянул он. – Это ты бросила четвертый курс в военном университете и перевелась к нам на первый год? С потерей трех лет, да?

Лади видимо напряглась.

– Да. Я, – поколебавшись, ответила она.

– Мощно! А ведь ты даже уже на профильную стажировку в Саусборне успела устроиться... Что-то там в порту. Таможня?

– Отлов пиратов и контрабандистов, – медленно протянула девушка.

– Обалденно!

– Не сказала бы. А откуда ты про меня знаешь?

Вдруг у них на острове в ходу саусберийские газеты? Заметка про ситуацию госпожи Найт была совсем крохотной, втиснута как дополнение к эпитафии шефа, но... Если кто-то на Этерне видел статью...

Сердце Лади болезненно сжалось.

Стэн пожал плечами. Дважды.

– Я ставлю печати на документы о приеме новых студен-

тов. Ну и читаю помаленьку. Люблю читать.

– Любишь читать документы?

– Да что угодно. Я в плену у буковок! Когда они сложены в слова, то иногда такие вкусные – как лягушки.

«Странное сравнение», – передернулась Найт, у которой лягушки занимали нижнюю строку в списке гастрономических радостей. А то и вовсе обретались на другой, нежелательной стороне листа.

Стэн и новенькая подошли к замку.

В призрачном лунном свете он выглядел древним великаном, уснувшим на лугу и обратившимся в камень – слишком цепкими оказались сны, не удалось проснуться.

– Так почему ты перевелась? – спросил липучка-Стэн.

Ладислава раздосадованно крякнула.

С другой стороны, они все захотят знать.

Нужно смириться с этим, научиться говорить правду так, чтоб не вызывать дальнейших расспросов. Чтобы самой не думать об этом лишний раз.

– Скажем так: мне всегда нравилось волшебство. И море. Хочу учиться магии и гулять на пустынном берегу, – твердо заявила Найт, глядя на академию, которая теперь нависала над ними, как скала. – Мой отец говорил: однажды ты понимаешь – надо перестать ждать и начать делать то, что хочется. Судя по всему, у меня наступил этот момент.

– Волшебство и море у нас имеются, да, – чинно кивнул Стэн.

Слова Найт не показались ему странными, и девушка заметно повеселела.

– Кстати! – вспомнила Ладислава. – Я приехала так поздно, потому что наш корабль попал в грандиозный отлив. Когда опустилась... не знаю... на много метров. Это вообще нормально?

– Вполне, – кивнул Хлестовски. – Остров Этерны всегда резко реагирует на излишки магии. А сегодня академию пробудили после летнего – дохлого – сезона. Маг-уборка, зачаровывание аудиторий против списывания, изгнание пришедших за лето сущностей... Куча заклинаний сразу. Вот Этерна и расстроилась, поджала море вместо губ.

– И часто она расстраивается?

– Несколько раз в год. Когда мы активно колдуем. Праздники, сессия. Лекции после вечеринок.

– Э?

– Тогда нужны массовые чары бодрости под кодовым названием «спички в глаза», – пояснил Стэн.

Они поднялись к высоченным резным дверям академии.

Хлестовски, хвастаясь перед новенькой, осветил фонарем круглый герб, выбитый на створках: десятиконечная звезда, а в ней – штормовое море и маяк, от которого вместо света разлетаются спирали заклятий, похожие на ракушки.

– Добро пожаловать в магическую Академию Бурю! – торжественно объявил Стэн.

Внутри все оказалось именно так, как и представляла Ладислава. Редкий случай, когда предсказуемость – это хорошо, потому что Найт была мастером спорта по завышенным ожиданиям.

– Ого, – оценила Лади, бахая саквояж на паркет.

– Так и живем, адептка, так и живем, – одобрительно пробухтел Хлестовски.

Главный холл замка был весь увешан роскошными сине-зелеными гобеленами.

– Это для тепла, – пояснил Стэн. – Зимой тут холодно, жуть.

Высокий потолок обшили деревянными панелями: каждый лакированный квадрат изображал какое-нибудь магическое существо, нарисованное в средневековом стиле. Здесь имелись келпи, единороги, волшебные птицы иррин, какие-то смешные мохнатые существа...

Некоторые панели были наглухо закрашены.

Интересно почему?

Потрескивающие маг-светильники спускались на длинных медных крючьях, похожих на якоря. Всю дальнюю стену затянуло огромное зеркало, покрытое черными пятнами древности, перед которым вырастали три винтовые лестницы – они вились и изгибались, как навеселе, и штопорами

вкручивались в потолок.

А направо и налево из зала убегали лестницы совсем другого жанра: широкие, пологие, прямые. Стэн поманил Ладиславу к западным ступенькам, укрытым ковром.

– Мы идем в Полуночное крыло. Найдём тебе спальню, – пояснил сторож.

Он шел, медленно перебирая ключи. Судя по наморщенному носу, Хлестовски сосредоточенно о чем-то думал.

– Если честно, я не помню, какая комната полагается тебе по документам, – наконец, вздохнул Стэн. – А идти в кабинет леди-ректора неохота ночью. Давай поселим тебя во-о-от сюда...

Он наугад выхватил старый ключик, изъеденный ржавчиной. Протер его рукавом. Рыжие чешуйки остались на ткани, и Ладиславу озарило, откуда взялся такой непонятно-бурый цвет у одежды Стэна.

– Спальня номер тринадцать, – возвестил парень. – Это в Хромой башне. Так себе покои, конечно, невзрачные; и ванная не ахти, но...

– Но мы же можем выбрать другой ключ? – встрепелась Найт.

– О нет. Нет-нет. Я всегда доверяюсь богу-хранителю Рэнному в важных вопросах.

– А здравому смыслу? – заволновалась Лади, которой сильно не улыбалась перспектива убогой ванной.

– Твоя комната – номер тринадцать! Я решил! – катего-

рично отрезал Стэн. От укола его добродушие лопнуло, обнажив скрытое упрямство. – Так, Хромая башня у нас там...

Они резко свернули куда-то вбок и вновь пошли по коридорам, застеленным темными коврами. Чем дальше уходили от главного входа, тем ниже становился потолок. Факелы горели уже не так ярко, в стенной обшивке был сквозняк и скреблись мыши.

Вдруг одна такая серая мышка выбежала из-за декоративных рыцарских доспехов, с писком проскользнула между ног у Хлестовски и скрылась за поворотом. Найдт проигнорировала животное, но сторож-библиотекарь-мастер-количеств нахмурился.

– Пойду разберусь. Ишь! – заявил он на полном серьезе.

– Э. С мышью?..

– А то. Держи ключ. Тебе прямо, налево, вверх, снова налево, направо, налево, вверх до конца. Завтра в девять – общее собрание студентов в Великой Трапезной, не опаздывай.

И Стэн погнался за грызуном.

Ладислава проводила сторожа удивленным взглядом. Впрочем, он эволюционировал в понимающий, когда Стэн миновал особо яркий фонарь.

Потому что тень ключника, упавшая на ковер, оказалась тенью птицы.

Совы, если быть точным.

Желтые глаза, значит... Серо-коричневые вихры и лягушки в роли десерта.

– Ночной человек, вот оно что! Так бы и сказал: оборотень летучий, перистый, – пренебрежительно фыркнула Найт.

Потом она зевнула и попробовала вспомнить, какие именно налево-направо-в-задницу ей готовила ночь грядущая.

Конечно, она заблудилась.

* * *

Ладислава совсем умаялась.

В Хромой башне не нашлось никого, кто мог бы подсказать дорогу. Коллеги-адепты сидели по комнатам – и комнаты их располагались в других корпусах.

Наконец Лади без сил притормозила у скульптуры дракона и огляделась, прикидывая, на каком ковре мягче спать... И тотчас с изумлением повернулась к окну, привлеченная странным звуком.

Окно было задернуто портьерами, но даже сквозь плотную ткань было слышно, что по ту сторону шумит море. Этот звук ни с чем не спутаешь. Странно: Найт читала, что от академии к пляжу идти минут пятнадцать, а грохот волн такой, будто... Ладислава решительно обогнула дракона, отдернула шторы и распахнула створки.

– Ох!

Соленые брызги прилетели ей прямо в разгоряченное долгим подъемом лицо.

Дождь давно кончился, и небо расчистилось, выставив на

прилавок все-все самоцветы-звезды, что горели на острове. Полная луна – неожиданно крупная, с красноватым боком – низко зависла над морем. Оно, в свою очередь, с тихим рокотом перебирало волны, как камни, и слабо светилось – из-за стай шевотного планктона.

Море было прямо под Хромой башней.

Точнее, не так: там, за окном, не было ничего, кроме моря. И замка тоже не было. Только вода и ветер. Ладислава перегнулась через подоконник, изумляясь тому, как он висит прямо во влажном воздухе...

– Не вывались-с-с, – вдруг сказали за спиной у Ладиславы, тем самым чуть не добившись обратного эффекта.

Девушка качнулась назад и рефлекторно прыгнула в боевую стойку, раскорячившись, как морская звезда в таверне.

Скульптурный дракон закатил глаза:

– Ты меня побить решила? Руки отшибешь, я мраморный. И оживленный. И чтоб никаких: «Ути-пути, говорящая зверушка!» Это оскорбительно. Я хоть и камень, а мыслю не хуже прочих. Даже лучше. Рынок думающих существ в наше время почти пуст, так что я с удовольствием занимаю в нем нишу. Уяснила, блондиночка-с?

Когда дракон говорил, его морда двигалась очень медленно. Будто муха возилась в блюдечке из-под варенья: с трудом, но с удовольствием.

– Так что закрой свой рот-с-с. И окно закрой, у меня артрит-с.

– Это в каком месте? – Ладислава скептически оглядела единое мраморное полотно, составляющее ящера.

– Вот молодежь-с... – вздохнул дракон. – Никакого уважения к старости.

Ладислава закрыла окно.

– Почему там вода? – деловито спросила девушка.

– Потому что даже у изгоев есть свои достоинства. Это я о Хромой башне-с: окна здесь затейливые – они подменяют сад на море, когда им хочется.

– То есть это иллюзия?

– Пффф! Это – группа блуждающих порталов. Вывалишься – придется грести назад вручную-с. А судя по тому, какие у тебя хилые ручки-с – ты быстро утонешь. Или тебя нагонит жраль-акула. Или запутаешься в яд-водорослях, и они утащат тебя к ундинам на поздний ужин-с. Хотя погоди... – дракон передумал. – Ты же высоту видела? Даже грести не придется. Сразу разобьешься. Так что мой совет-с: любишь море – смирись со скорой смертью.

Лицо Ладиславы – обычно либо сосредоточенно-упрямое, либо улыбчиво-беззаботное, – болезненно дернулось.

Ох дракон...

– И да. Оплату за свои мудрые мысли я беру камнями – я их ем.

Найт тряхнула волосами, отгоняя дурные мысли – жмых вам, а не моя головушка! – и щелкнула ящера по носу:

– Платить за непрошенные советы?.. Щас! Хочешь ка-

мень, тогда скажи: где мне найти спальню номер тринадцать?

И она на раскрытой ладони показала ящерицу ключ. Дракон сначала обиженно надул щеки, а потом сфокусировался на этом ржавом безобразии и вдруг пакостно захихикал. Смех у него был – будто щебень о черепицу кидают.

– Стэн-с-с поселил тебя в тринадцатую? Ай, безмозглая птица! Зайди за тот гобелен и попадешь аккурат к своим высочайшим, хех, покоям-с-с.

Интонация не предвещала ничего хорошего.

– Что не так с комнатой? – Лади нахмурилась.

– Принеси камень – обсудим-с.

Дракон закрыл глаза и замер. Девушка настойчиво постучала костяшками пальцев по его чешуйчатому лбу, но даже это не пробудило вредный реликт.

Делать нечего: госпожа Найт пошла к указанному гобелену и с подозрением нырнула за ткань, рассыпающуюся от древности.

* * *

Вопреки опасениям, коридор, в котором располагалась тринадцатая спальня, выглядел очень прилично.

Двери в комнаты, мимо которых проходила Найт, были закрыты, из-под них тянуло острым запахом зелий для уборки и свежей краской.

Ладислава подошла к номеру тринадцать и постучалась:

она читала, что в Буре студенты живут по двое. Изнутри никто не ответил, и тогда Найт отперла дверь ключом.

– Вот это для Стэна «невзрачно»?! – охнула девушка, заходя.

Комната была шикарная. Новые светильники, пушистый ковер, две кровати с тяжелыми алыми балдахинами. Огромный книжный шкаф. Во всю стену – изящная фреска с изображением шести богов-хранителей, гуляющих по лесу.

При виде такого искусства Ладислава иронично вскинула брови: ничего себе у нее компания.

И зачем, интересно, это сделано? Кто-то всерьез верит, что суровый лик паладина Карланона или пророка Теннета, бредущих под руку под чащобным сводом, помешает ей взять от студенческой жизни максимум наслаждений? Ну-ну.

Найт фыркнула и отвернулась к окну.

За ним – снова море...

Причем здесь окно было распахнуто во всю ширь, и свежий ветер ловко перебирал белые занавески, которые мялись, шептались и жеманничали в его невидимых руках.

А еще, судя по вещам, разбросанным тут и там, у Ладиславы определенно имелась соседка. Правда, сейчас ее в комнате не было.

И где же она бродит в ночи?

Найт на всякий случай подошла, выглянула наружу: вдруг там соседка тонет вовсю? Но за окном было мирно и пу-

сто. Только звездная россыпь привычно схватила Ладиславу за горло – невыносимой своей красотой, выворачивающей душу.

Раньше Лади и не думала, что красота и боль так часто идут рука об руку. Но в последнее время ей казалось, что они практически неразрывны.

Зато при виде ванной комнаты настроение у госпожи Найт взлетело беспечной праздничной шутихой. На такие интерьеры она и не надеялась!

Лади не меньше получаса плескалась и фыркала в горячей воде, напевая портовые песенки. Потом она натянула шелковую пижаму – по счастью, та лежала в маленьком, «спасенном» саквояже, – и долго еще сидела на бортике перламутровой ванны: расчесывала волосы, мурлыкала себе под нос.

Наконец, розовощекая и разомлевшая, она была готова ко сну.

Лади приоткрыла дверь в спальню очень медленно, бесшумно, наслаждаясь тем, как тонко смешивается внешний холод с клубящимся паром, затянувшим ее морское царство. Стайка приятных мурашек пробежалась по спине, и Найт шагнула в комнату.

И, увидев, что впереди, застыла на пороге с отвисшей челюстью.

4. Близнецы с секретом

Чем хорошо зеркало, так это тем, что, если ты расплачешься – оно поддержит. Чувствуешь себя не таким идиотом, да?

Чеврин Гофшиц, драматург Шолоховской оперы

Посреди ее спальни стоял абсолютно голый юноша.

Он замер перед зеркалом-трюмо, закрыв глаза рукой – как будто сам с собой в прятки играл. Странные обнаженные прятки.

Три, два, один...

Я иду искать.

Пальцы раздвинулись, явив зеркалу внимательный, сосредоточенный глаз.

– Какого д`гарра? – рывкнул юноша, потому что глаз тот, не будь дурак, мгновенно засек в отражении Ладиславу.

– Вот-вот! – не растерялась Найт и уперла руки в боки.

Парень был красивый. Темноволосый, высокий и статный, сильно взлохмаченный. Длинноно-о-огий. Судя по возрасту – адепт.

Поняв, что Ладислава со своей стороны не спешит менять ситуацию, молодой человек в два прыжка оказался у кровати и прикрылся балдахинном. Золотые кисти закачались у его колен, как юбка степной танцовщицы.

– Что ты здесь делаешь? Гостей не планировалось! – воз-

мутился брюнет.

У него были большие, оленьи глаза холодного серого цвета – как то самое море за окном.

Лади двинула бровью:

– Только не говори мне, что это и твоя спальня тоже. Потому что вон те платья на кровати – явно женские. Жаль, если их носишь ты.

– Это *не* моя спальня, – прорычал адепт.

– Тогда... – Лади набрала в грудь воздуха и симитировала его тон: – «Что ты здесь делаешь? Гостей не планировалось!»

Они молча уставились друг на друга. Взгляд у юноши был странный: ярость, смешанная с неловкостью и... будто страхом разоблачения. Такие взгляды встречались у пиратов-контрабандистов, которых Лади отлавливала в порту Саусборна. У тех, у кого не то что двойное, а даже тройное дно в кораблях.

Иногда четверное.

Сами удивляются.

Юноша шумно выдохнул через ноздри, переступил с одной босой ноги на другую, огляделся как бы в поисках решения, но, увы, ничего не нашел.

– Это комната моей сестры, – медленно сказал он. – Я просто использую ее... в своих целях.

– Предполо-о-ожим, – протянула Ладислава, застегивая пижаму еще на одну пуговицу. На всякий случай.

Может, все-таки одного маньяка ей эта ночь подсунула?

Они продолжили молча смотреть друг на друга. Эдакое обнюхивание на расстоянии. Не совсем честное, потому что приличия – их остатки – не позволяли Ладиславе опускать взгляд ниже шеи юноши. А любопытство, наоборот, так и требовало немедленно расширить перспективы.

– Жмых! – наконец выругалась Лади. – Может, ты оденешься? А то я рискую приобрести косоглазие при нынешней диспозиции.

Незнакомец усмехнулся и будто оттаял.

– Меня зовут Фрэнсис, – представился он.

– Я Ладислава.

– Возвращаясь к вопросу: оденусь-то я с удовольствием. Только ты отвернись.

– Зачем? Я вроде и так уже все видела.

Незнакомец вскинул бровь высоко-высоко... Лади фыркнула и крутанулась на босых пятках. Сзади слышался шорох тканей.

– Спасибо, Ладислава. И да, через несколько минут придет моя сестра. Не говори ей обо мне, пожалуйста.

– Хм. А можно я буду тебя этим шантажировать? – воодушевилась Найт. – Я еще никого никогда не шантажировала.

– Нельзя.

– Точно?

– Однозначно.

Найт разочарованно вздохнула.

Когда Фрэнсис оделся, Ладислава уже решила: она будет с ним флиртовать.

Без вариантов, будет. Слишком мало времени, чтобы нет.

Правда, флирт у прямолинейной госпожи Найт был специфическим. Люди думали, что она их отчитывает.

– Итак? – Лади сложила руки на груди, в упор разглядывая студента. – Почему же твоя сестра не должна узнать о том, что ты обожаешь любоваться собой в чем мать родила? Ты используешь ее комнату без разрешения?

Фрэнсис закатил глаза. В черном гибриде сюртука и манттии он выглядел восхитительно. Настоящий высокородный аристократ, хоть сейчас во дворец посылай. Или где там еще знать обитает? Казначейство? Церковное управление?..

Фрэнсис кашлянул:

– Сестра не против. Но проблема в том, что никто не должен увидеть меня. Так что мы скажем, что ты пришла уже после.

Найт сощурилась, но решила пока не уточнять детали. Просто с размаху запрыгнула на свою кровать. Та встретила ее теплейшими объятиями.

– А мне говорили, этот корпус очень плох, – отметила Найт, щупая дорогой матрас.

Фрэнсис пожал плечами:

– Ремонт закончился на днях. Не все в курсе.

– Ну уж Стэн – заместитель леди-ректора – должен знать?

– Главное, что леди-ректор знает, – не согласился юноша и отвернулся к окну. А потом захлопнул его.

Урчавшее море заглохло.

И вдруг... Растаяло, как свежая акварель под дождем. За стеклом медленно, триумфально проступил сад академии. Темная гуща деревьев, сверху похожих на брокколи; озерцо, поблескивающее под луной; смутные очертания коттеджей.

Ладислава, не веря, подошла.

– Значит, это действительно блуждающий портал? – протянула девушка.

– Да.

– Я думала, такого в принципе не бывает.

– Этерна – особое место, – пожал плечами Фрэнсис. – Насколько я знаю, таких порталов тут несколько. Прыгают по этажу, когда окна закрыты. Хотя, конечно, слово «портал» тут зря применяют: окна ведут в море, а не в другой мир. Но так уж сложилось.

Он, даже не взглянув на сад, развернулся спиной и оперся о подоконник руками. Ладислава глянула на слабое, призрачное отражение его лохматого затылка в стекле. У Фрэнсиса была такая идеальная форма головы, что Найт невольно захотелось его побрить – под священника.

– Эй, – сказала она, постучав юношу по плечу. – Если что – я все-таки не буду тебя шантажировать. И никому не скажу.

Все имеют право на маленькую тайну.

Мне ли не знать.

Брюнет посмотрел на нее искоса. Взгляд у него был тяжелый. Найдт подумала, что поторопилась с физическим контактом, но юноша вдруг улыбнулся и кивнул:

– Я тоже так считаю.

Тотчас в дверь постучались.

– Фрэ-э-энс! Ты там как? Уже можно? – раздался взволнованный женский голос.

– Тисса, у нас гость, – предупредил парень и мгновенно подобрался.

В спальню влетела девушка: хищная и потерянная, как черная птица, рыскающая в ночи.

Короткое трикотажное платье, поверх – вязанный кардиган до пола, все в темно-синей гамме. Высокая, гибкая, с темными вьющимися волосами. Часть из них девушка скрутила на макушке в клубок, остальные свободно спадали до талии. Круглые очки-всезнайки в толстой оправе подчеркивали форму носа – с благородной горбинкой.

Девушка уставилась на Лади, как на привидение. Шокированно. Не зная: бежать или нападать.

– Ладислава, позволь познакомить тебя с Тиссой. Мы близнецы. Тисса – это Ладислава, – высокопарно представил Фрэнсис.

Тисса сделала реверанс в столичном стиле и бросила быстрый взгляд на брата. Фрэнсис кивнул: все под контролем.

– Только я не гость, – сказала Лади, широко улыбнувшись. – Я тут живу теперь, – и она демонстративно помахала ключом, взятым с тумбочки, как иной тернасец машет упряжкой от своего боевого скакуна.

– Со мной? – Тисса напряглась. – Я думала, я буду жить одна!

– Ну... Меня сюда поселил Стэн Хлестовски. Впрочем, он достал ключ наугад – то есть, простите, «по воле бога-хранителя Рэнддома»... – дурачась, Лади легкомысленно коснулась лба сведенными кончиками пальцев, – видать, бог ошибся.

Но Тисса вдруг тоже коснулась лба в молитвенном жесте. Куда серьезней.

– Боги не ошибаются, – отрезала она. Так жестко, что в комнате на мгновение пахло инквизицией. – Никогда не ошибаются.

– Э-э-э, – Ладислава сначала опешила, потом иронично улыбнулась уголком рта. – Ну, в таком случае мне и впрямь суждено жить тут, верно?

– Верно, – поколебавшись, согласилась близняшка.

– Тис! – Фрэнсис сделал страшные глаза.

– А что? Раз на то воля хранителей, это может быть промысел на удачу, – девушка пожала плечами и с любовью оглянулась на стенную фреску.

Фрэнсис на секунду сокрушенно накрыл лицо ладонью. Потом вымученно улыбнулся Ладиславе, которая с жадностью следила за странной перебранкой.

– Будете липовый сбор? – спросила Тисса, подходя к столу.

Там среди множества инструментов для зельеварения притаился хорошенький серебряный чайник.

– Соглашайся, Лади. У Тиссы много минусов, но в зельях и липовом сборе она разбирается, – вздохнул Фрэнсис, падая на кровать.

Тисса швырнула в него полотенцем. Потом по щелчку зажгла под посудиною маг-огонек, придирчиво понюхала разные колбочки и миски, отыскала три пиалы, более или менее похожие на чашки (из одной пришлось высыпать сухие василисковы лапки), и вскоре разлила всем янтарно-желтый напиток.

– А вы давно в академии? – спросила Найт, дуя на обжигающий липовый сбор.

– Несколько дней назад приехали, – сказал Фрэнсис.

– Мы новенькие. Перевелись сюда из Минакора. – Тисса с прямой спиной села на стул, такой неудобный, что он был похож на пыточный агрегат. – Будем учиться на пятом курсе.

Найт удивленно отхлебнула из химической чашки.

Так-так!

Во всем королевстве Асерин было только три учебных заведения, где готовили магов.

Два из них – университеты в столичном Минакоре и портовом Саусборне, – считались очень престижными. На любой их факультет (хоть магический, хоть какой) было слож-

но поступить: там учились отличники пополам со знатью.

А вот третья школа – Академия Буря – была куда проще. Здесь обучали только колдунов: узкий профиль, специализация, – звучало серьезно, но по факту диплом академии оценивался как «посредственный». В основном сюда приезжали бедняки, «средние умы», студенты, изгнанные за те или иные проступки, и безнадежные романтики (море, море кругом!) – которые, как Ладислава, надеялись хорошо провести время на острове.

Что-то подсказывало Найт, что ее новые знакомые – из третьей категории. Вон как переглядываются поверх чашек двумя парами одинаковых льдистых глаз...

По-любому накосячили.

Вслух Ладислава сказала:

– И я новенькая на острове! Ушла с четвертого курса. Правда, здесь буду заниматься с первогодками: я раньше не изучала магию, придется начинать с азов.

– Ого! – хором воскликнули близнецы.

Тисса подозрительно поправила очки:

– И тебе не жалко потерянного времени?

– С одной стороны – жалко. Именно поэтому я тут: надо было прекратить учиться там, где не хочется. С другой стороны, не факт, что то время – потерянное, – Найт пожала плечами.

В последний месяц она много думала о таких вещах. Больше, чем за все предыдущие годы сознательного бытия.

– Я нынешняя – его прямой результат. А себя я люблю. Как ни странно.

– Я тоже себя люблю, – согласилась Тисса и тотчас будто прислушалась: правду ли сказала? Поморщилась: нет, неправду...

Найт закивала:

– Себя любить надо! Очень нерационально ненавидеть того единственного человека, с кем гарантированно проведешь всю жизнь.

– Значит, ты первогодка, – заинтересовался Фрэнсис. – Ты уже выбрала предметы на этот семестр?

– Не-а. Решу завтра. А вы?

– Моя специализация – зелья, – ответила Тисса. – Так что, помимо обязательного комплекта, я возьму продвинутую алхимию, фармацевтику, чары и все, что скажет леди-ректор – она моя наставница на Этерне.

Фрэнсис повернулся на бок и подпер щеку ладонью:

– А я раньше обучался на кафедре боевой магии. Но теперь меняю профиль на ТММ.

– Что такое ТММ?

– Тайны Магического Мира.

– О. Звучит интересно!

– Ну, как сказать... – вздохнул Фрэнсис.

– Угощайтесь кексами. – Тисса вклинилась с тарелкой, полной рассыпчатых мадленов. – Я бы на твоём месте радовалась, а не вздыхала, Фрэнсис. Ведь ТММ в Буре преподает

лучший специалист во всем королевстве. Это здорово, верно? – оглянулась близняшка на Ладиславу, очевидно требуя поддержки.

– Здорово, – согласилась Найт. – А что за специалист?

Тисса выдержала паузу, тонко улыбнулась, а потом торжественно объявила:

– Доктор Морган Гáрвус!

Судя по задранному подбородку, близняшка ждала мгновенной восхищенной реакции. Так мамыши хвастаются успехами детей: мой, дескать, сказал «агу», падите ниц немедленно!

Но Найт не могла падать ниц, не зная предмета.

Она лишь развела руками:

– Без понятия, кто это.

– Логично, – кивнул Фрэнсис. – Несмотря на то, что доктор Морган – колдун, широко известный в научных кругах, у него нет заслуг, которые принесли бы ему популярность вне академической тусовки.

– Ты правда никогда о нем не слышала? – огорченно протянула Тисса, глядя на Ладиславу.

– Не-а. Но я же новичок! – пожала плечами та, не поняв, в ком именно разочаровалась соседка: в ней или Моргане.

Фрэнсис хмыкнул:

– А Гарвус, кстати, тоже новичок: свежее приобретение леди-ректора, недавно приехал. Бедный остров. Столько чуяков на него явились: я бы на месте Этерны стрессовал...

– Да ждет Моргана – и нас – успех на острове! Аминь! – покровительственно сказала Тисса.

И с подачи близнецов все трое чокнулись пиалами с липовым сбором.

Он у Тиссы получился действительно потрясающим. Лади не особо любила этот напиток, но ее соседка смогла сварить что-то, от питья чего никак нельзя было отказаться.

– Семейный рецепт, – зарделась близняшка в ответ на комплимент.

Ладислава забавлялась, глядя на парочку. У близнецов определенно были разные темпераменты. Спокойный, себе на уме, чуть саркастичный Фрэнсис – и Тисса, в которой странным образом уживалась роковая красота, тяга к контролю и заметная неуверенность в себе.

Где-то далеко на улице раздался переливчатый звон. Три часа ночи.

– Так. Пора спать, – Тисса залпом осушила чашку. – Завтра важный день.

Фрэнсис поднялся и на прощание по-дружески протянул Ладиславе руку:

– Встречаемся в восемь тридцать между дверьми.

– Какими дверьми? – не поняла Найт.

– Нашими. Фрэнс живет в комнате напротив, – объяснила Тисса и удалилась в ванную.

– А что, тут перемешаны мужские и женские спальни? – спросила Ладислава.

– В Хромой башне – да, можно и так сказать. Просто здесь только мы вдвоем... втроем живем, – Фрэнсис задумался, глядя на Ладиславу. – Только ты об этом тоже молчи, ладно? Как и обо мне. Кхм. И еще о ремонте, да.

И они оба усмехнулись, оценив список, возникший меньше чем за час.

– Твой долг молчания растет, парень, – «шерифским» тоном сказала Найт.

– Морских снов, Ладислава, – подмигнул Фрэнсис.

– Бывай!

И близнец ушел.

В ванной Тисса гремела какими-то склянками. Когда она вышла оттуда, ее лицо было покрыто толстым слоем сизо-коричневой рыхлой маски – «для свежего цвета».

Но Ладислава этого уже не видела.

Ладислава свернулась калачиком под одеялом и сладко спала.

3. Великая Трапезная

Энергия унии в южных пределах Лайонассы неподатлива и с трудом позволяет себя контролировать. Маги Асерина носят специальные браслеты-накопители: в них фокусируется их личная сила, которую с помощью браслета легче вытянуть в момент колдовства. По сути, чужеземцы колдуют за счет своего здоровья.
Энциклопедия «Доронах»

– Фрэнс, за одну минуту! Я тебе клянусь: она собралась за одну д`гаррову минуту! Лежала в постели – труп трупом – а через шестьдесят секунд: хоба! Стоит полностью одетая, улыбается! Да я за это время успеваю только будильник услышать! И то не всегда...

Тисса, Фрэнсис и Ладислава втроем бежали по узкой винтовой лестнице к Хромой башне. Косые солнечные лучи пробивались сквозь витражные окна, раздавая им оплеухи – разноцветные шлепки света: быстрее, быстрее!

Тисса бурно делилась впечатлениями.

– А зубы она что, не чистит? – хмыкнул Фрэнсис.

– Это отдельным счетом! Плюсуй две минуты, – поспешила встрять Ладислава.

– Да хоть десять! – Тисса возмущенно округлила глаза. – Ты говоришь, Найт, что магии не училась. Откуда тогда

сверхспособности?

– Это армия, детка, – зажав нос, прогнусавила Лади на мотив командора Кайперуса, ее бывшего декана.

Фрэнсис запрыгнул на перила и ловко съехал вдоль последнего лестничного пролета.

– Короче, – вывел он, подавая руку Ладиславе, которая повторила его трюк, – опоздали мы из-за тебя, Тис.

Близняшка только дернула плечом и поправила тщательно завитую кудряшку.

Тисса собиралась больше часа. Завивка волос, как рамочка, обрамляла этот процесс. С прической девушке помогли цыпкины гусеницы – ядовито-зеленые шипастые твари, вокруг которых Тисса обматывала локоны. Укутанные черными волосами, гусеницы считали, что пришел сезон спячки – и мгновенно сворачивались в загогулину, да еще и грелись, как маленькие печки, топя воображаемую зиму. Когда поджаренные волосы смирились со своей новой формой, Тисса стала энергично тыркать в гусениц иголкой. Они, очнувшись и испугавшись, мгновенно вытянулись палочками – мертвы мы, неведомый хищник! – и тогда Тисса выдернула их и побросала в банку с надписью «Ингредиенты для смертельных ядов».

Пока близняшка прихорашивалась, Ладислава успела пробежаться по коридору, посмотреть в замочные скважины всех спален и убедиться: Фрэнсис прав. В башне они действительно живут втроем. Другие комнаты пусты.

Хм. Ну и почему об этом надо молчать?

*** * ***

Чтобы попасть в Великую Трапезную, требовалось нажать на черное зеркало в главном холле: тогда открывался проход.

О, вот и секретики подоспели.

– Можно я попробую? – восхитилась Лади.

Стоило ей прижать ладонь к прохладной плоскости, как вся поверхность амальгамы ожила и потекла вниз прохладным водопадом. Черно-холодная вода исказила и унесла с собой отражения трех студентов: взъерошенную Ладиславу, зевающую Тиссу и Фрэнсиса, который стоял, приклеив напряженный взгляд к своим ботинкам.

«А все-таки у него какие-то непростые отношения с зеркалами», – подумала Найт.

Волшебная вода меж тем наткнулась на невидимое препятствие: она стала огибать контуры скрытой арки в центре стены. За ней располагалась Великая Трапезная. Ребята по очереди зашли внутрь.

Остальные студенты – чуть более пунктуальные и чуть менее озабоченные своим внешним видом – уже сидели по местам.

Несколько десятков столиков, похожих на опрокинутые штурвалы, были хаотично разбросаны по залу. Деревянный потолок напоминал перевернутый корабль, а подиум, на ко-

тором возвышался единый преподавательский стол – пока пустой, – зарос сухопутными кораллами и пульсирующими псевдоактиниями. По стенам спускались плющи, похожие на водоросли. Сквозь высокие стрельчатые окна лилось солнце, просеянное соснами, и его бликующий невод прокатывался по залу туда и сюда, как прибой.

Шумела волна голосов.

– Здесь точно магии учат, а не моряцкому делу? – шепотом уточнила Найт, пока все трое метались, как кильки на нересте, выискивая свободный стол.

Наконец, они приткнулись на единственное свободное место – в первый ряд, под самым подиумом – и заодно под впечатляющей петлей каната, свисающей с потолочной балки.

– Эти грешники приглашают нас повеситься? – Тисса не одобрила декор.

– Да уж, с намеком, – фыркнул Фрэнсис. – Хотя в нашей старой академии тоже было не без приколов. Помнишь, например...

Минут через двадцать раздались звуки гимна. Из боковой двери в зал вышла леди-ректор, за ней цепочкой потянулись коллеги.

Тисса тотчас поелозила на стуле, устраиваясь поудобнее, закрыла глаза, открыла рот и... кажется, впала в анабиоз. Хорошо хоть, не захрапела.

А вот взгляд Ладиславы был прикован к одной только хозяйке академии. Леди Элайяна оказалась эльфийкой: дико-

винкой на юге Лайонассы. Это в восточных пределах мира расы смешиваются, как хотят, и мигрируют туда-сюда, как радужные креветки. А в королевстве Асерин все чинно, благородно, по-людски...

– Приветствую вас в Академии Буре, – сказала Элайяна. Голос у нее был неземной, будто ветер, пойманный камышами.

На самом деле, согласно портрету в главном холле, ее звали Элайянштрофлаз, но ректор не желала своим ученикам поломанных языков (разве что при зубрежке заклинаний), так что, получив высокую должность, использовала псевдоним.

– Завтра мы начинаем учебный год. Вот две вещи, которые я рекомендую вам зарубить на носу. Первая: магия не является уделом избранных. Помните об этом, когда у вас что-то не будет получаться – и вам захочется опустить руки – «это не мое». Все может стать вашим. Все! Надо только постараться. Один процент везения – считай, таланта; девятью девятью процентов труда – такова формула успеха. Вторая вещь: всегда есть бóльшая цель. Не останавливайтесь на достигнутом, ведь этот мир любит победителей.

Она продолжала говорить, а Лади – пялиться.

Леди-ректор была ростом метр пятьдесят, но длинное шелковое платье визуально делало ее выше. Также роста эльфийке добавляла сложная прическа: мягкие кудри убраны наверх, цвет волос переливается от темно-пепельного к

серебристому. Острые уши Элайяны были в полтора раза длиннее человеческих, а взгляд завораживал: два черных озера, затянувших глаза практически целиком.

Это было красиво, но... Ладислава поежилась и рефлексивно отодвинулась назад вместе со стулом. Ксенофобия – это плохо. Но дурные привычки тем и дурны, что их с ходу не вытравишь.

– Брезгуешь, что ли? – вдруг вполголоса, как-то неожиданно презрительно бросил ей Фрэнс, по-свойски раскачивающийся на стуле.

– Я просто не ожидала! – возмутилась Лади, оборачиваясь к соседу.

«По дороге» Найт невольно скользнула взглядом по ряду преподавателей, уже сидевших по своим местам.

И замерла на полужеле с открытым ртом.

Прямо напротив них с ребятами, вольготно развалившись за общим учительским столом и чуть ли не ноги на столешницу закинув, сиял улыбкой молодой мужчина с красно-рыжими волосами, стянутыми в низкий хвост, острыми локтями, закинутыми на спинку кресла, и огромным симптоматичным фингалом под глазом – который, впрочем, каким-то непостижимым образом только красил своего обладателя. Рубашка с закатанными рукавами, клетчатая жилетка, узкие брюки, белая обувь со шнурками и несколько фенечек на запястьях – мужчина умудрялся выглядеть одновременно элегантно и беззаботно-рассеянно.

Глаза у незнакомца были настолько насыщенно-синими, что море по сравнению с ними показалось бы разведенной акварельной краской.

Мужчина весь искрился шальной веселостью, эдаким лукавым «Ну, что скажешь?», а позади него стояли, как охрана, два грязных, хорошо знакомых Ладиславе саквояжа.

Рыжий давно уже в упор смотрел на Найт.

Когда и она посмотрела на него, он расплылся в еще более широкой улыбке, кинул взгляд на чемоданы, а потом дотронулся рукой до синяка на острой скуле, подмигнул и вдруг отчетливо, хоть и беззвучно, шепнул:

– Привет, попа!

* * *

Найт вспыхнула от этих слов.

В мозгу у нее тотчас щелкнуло – и побежали, побежали мысли... Так в Одноруком Гриме (автоматоне, любви портю-вых кабаков) прокручиваются значки лепреконов и – редко – заветного горшочка с золотом, едва ты бросишь монетку.

«Итак, я поколотила препода, но не убила – это плюс. Мои чемоданы целы, но они у него – это минус. На шантажиста он не похож, но улыбка опасная: жди проблем. А еще он запомнил мою анатомию. С-с-с-сажа!»

Красно-рыжий меж тем уже отвернулся к вещающей ле-ди-ректору и слушал ее внимательно, бла-а-агостно, как кот,

объевшийся селедки. Хотя на некоторых фразах и пассажах он болезненно морщился: был не согласен с речью?

Фрэнсис продолжал качаться на стуле. Тисса, очевидно, спала. Студенты вокруг тоже впали в некое забытие. Островки слушающих «ботаников» в этой сонной массе горели и светились вниманием, как маяки.

– После завтрака первокурсникам надлежит отправиться в библиотеку, где вы запишетесь на выбранные предметы. Там же мастер Стэн Хлестовски выдаст вам магические браслеты. Они аккумулируют энергию и помогают нащупать границы дозволенного. Если ваш браслет начинает терять цвет – вы перестарались, замахнулись на слишком сильное волшебство, немедленно перестаньте колдовать. Энергетический объем браслета будет увеличиваться сообразно вашей практике. Будьте терпеливы. Даже если вы заучили формулу – не пытайтесь на первом курсе поднять мертвеца. Не получится. Только сами рядом приляжете.

Вдруг за зеркальной стеной зала послышались невнятные крики. Кто-то басовитый толкал яростный монолог на непонятном языке... Другой мужской голос перебил его: «Туда нельзя».

Кое-кто из студентов заинтересованно обернулся. Рыжий препод не поменял позы, но заметно наострил уши. «Он похож на пса-ищейку», – подумала Лади.

Эльфийка тоже бросила взгляд на зеркало, но не сбилась с речи.

– Также я прошу вас учесть, что остров Этерны – живой организм со своим мнением и историей, тянущейся в те времена, когда Отец Небесный еще даже не создал хранителей. Мы для Этерны – лишь гости, или, вернее, оккупанты. Вы все взрослые люди, поэтому скажу лишь единожды: ведите себя прилично, оценивайте риски, потому что...

Ругань стала заметно громче.

– ...Потому что похороны за ваш счет, – скомканно и жестко закончила Элайяна и, подхватив подол, пошла-поскользила между столиков к выходу, но не успела. Зеркало взорвалось. Миллионы черных осколков разлетелись по сторонам смоляными брызгами. Они раскрылись дегтярным веером, заполнив зал бурлящим морем вскриков.

У Ладиславы рефлекс сработал быстрее зрения. Найт рухнула на пол, одновременно толкая от себя стол-штурвал – он упал набок, удачно превратившись в щит.

Ладислава дернулась к Тиссе – и туда же рванулся Фрэнсис. С двух сторон в четыре руки они стащили близняшку вниз и замерли над ней нос к носу. Приятно удивленные своей будто сработанной синхронностью.

Такое случается. Здравствуй.

– Очень красивые глаза, – вдруг улыбнулся Фрэнсис, не спеша отодвинуться.

– И у тебя, – выдохнула Лади.

– Охренеть! – высказалась Тисса.

Тогда очнувшиеся Найт и Фрэнс одновременно вынырну-

ли из-за столешницы, как из-за ширмы в кукольном театре. Чтобы выяснить, что никакая опасность им не грозила. Можно было не торопиться.

Ну разве что ради «глаз».

Взорванное зеркало не спешило осыпаться смертельным градом. Нет: его чернильные капли зависли в воздухе, похожие на музейный экспонат галактики. Будто каждую из них на ниточку зацепили; на тонкий прозрачный поводок – никуда ты не полетишь, стерва, стой и не рыпайся, – и все эти пуповины собирались в руках светловолосого мужчины с вороном на плече.

Того самого незнакомца номер один из вчерашней насыщенной ночи.

Этот мужчина со значком преподавателя замер на месте бывшей арки, и четыре браслета-накопителя на его воздетых к небу запястьях горели ярко-белым.

В первую секунду Лади решила, что это он виноват во взрыве, и даже успела почувствовать укол гордости: «Не зря он мне в лесу не понравился!» – но потом поняла, что нет. Преподаватель с вороном, наоборот, ликвидировал последствия: очень медленно и осторожно пытался собрать «капельки» обратно, стянуть их к первоначальному состоянию.

Взрыв произошел по вине другого персонажа, тоже только что ворвавшегося в зал: огромного, истекающего водой мужика в костюме, имитирующем чешую, с ракушками в бороде, кудрявыми влажными волосами и короной поверху.

Унд!

Точнее, король ундов, малочисленного подводного народа, живущего в деревнях по всему Гремящему морю. Ладислава часто встречала их женщин в Саусборне: они торговали жемчугом, облокотившись о пирс и заманивая путников сладкими, как грезы ночи, голосами. От обычных ундин унды отличаются маленькой, но важной деталью: у них есть ноги.

Ладиславу с ундами связывали тесные отношения. Во-первых, она писала о них – точнее, о войнах с ними – аж две курсовые и подумывала написать диплом. Во-вторых, на практике в порту ей приходилось облагать их налогом.

Чаще, правда, именно унды облагали Найт – грязной руганью.

Итак, король ундов навис как скала над крохотной леди-ректором и орал на нее, периодически в ярости потряхивая трезубцем. Из трезубца вырывались молнии. Парочка из них, всплыв, долетела до окон – и окна осыпались переливчатым звоном, так кстати заглушившим новый непечатный комментарий Тиссы, обнаружившей, что ее очки сломаны.

– Что он говорит? – спросил Фрэнсис.

– Я не знаю моренлинга. – Тисса не по ситуации панически прикусила губу. – Его никто не знает, кому он нужен?! Их там триста особей!

– Я знаю, – сказала Лади. – Момент.

Она мельком оглянулась: как там рыжий и другие препод-

даватели? Выяснилось, что они повскакивали из-за стола и теперь бегали между учеников, проверяя, все ли целы. В разговор не вмешивались. Ученики сидели – кто в ужасе, кто в восторге, но все – не шевелясь, впитывая каждую нотку скандала животворящего, прародителя сплетен.

Ладислава начала переводить:

– Унд орет потому, что мы «совсем озверели». Которую ночь подряд... незнакомое слово... охотится в водах над его деревней и вчера съел несколько любимых рыб принцессы-унды... Непризнакомое слово... Озверели, озверели... Непризнакомое слово... Тварь богопротивная, «убийца» зубастый, а ведь леди-ректор, кхм-кхм эдакая, обещала, что ее гость-убийца будет, кхм, держать себя в крыльях? Не пора ли поднять плату за удой? Эй, вы чего?

Найт замолкла, увидев, как побледнели Фрэнсис и Тисса. Близнецы замерли, как соляные скульптуры, и прикушенная губа Тиссы, кажется, готова была вот-вот закровоточить.

– Фрэнс?.. – ахнула Тис, и брат ее предупреждающе цыкнул, глазами стрельнув на Ладиславу.

Опаньки. А вот интересно.

– Так, знаете что, господинчик! – между тем рявкнула леди-ректор.

Она давно уже пыталась выпихнуть короля ундов из зала, тихо увещевая, но... Кажется, подводным жителям в гены вмешались глухари: крича, унд не реагировал ни на какие внешние раздражители.

Может, не умел контролировать эмоции. Может, любил звук собственного голоса. Может, хотел напугать леди-ректора.

Но вместо этого – разозлил.

Эльфийка сплела пальцами хитрую маг-формулу: браслет на ее руке вспыхнул, и рот унду залепила паучья сеть. Еще одна формула – и король выехал из зала задом наперед, как на коньках.

– Стэн, закончи собрание и представь всем Моргана Гарвуса! – гаркнула эльфийка, устремляясь за своим внезапно притихшим и заметно погрузневшим собеседником.

Стэн Хлестовски, к которому она обратилась, взъерошенный, взмокший, побежал обратно на подиум от столика с какими-то испуганными, уже рыдающими первокурсницами.

– Моргана, Моргана... – бормотал он.

– Морган Гарвус – это я, – бросил ему блондин с вороном на плече.

– Ишь, а что я, не знаю, что ли? Просто говорю... – обиделся Стэн и взбежал на подиум, рефлекторно махнув руками, как крыльями. Там он деловито откашлялся и стал ждать, пока все в зале вернется на круги своя.

Возвращалось оно в несколько этапов.

Для начала Морган восстановил зеркальную стену. Он отстроил все зеркало одним хлопком, едва только маленькая злая леди Элайяна пересекла границу бывшей арки. Ни один браслет на руке колдуна так и не погас: силы в этом человеке

было немерено.

Потом студенты, бурно перешептываясь, стали подниматься с пола, приводить себя в порядок, хихикать и утирать слезы – в общем, жили кто во что горазд. Остальные преподаватели (Ладислава наконец-то сосчитала их – дюжина без Элайяны) вернулись за стол и сели.

– Э-э-э, – сказал Стэн Хлестовски во вновь воцарившемся молчании. Нервничая, сторож-библиотекарь-помощник-сова носом почесался о свое плечо. – Ну, давайте похлопаем нашему первому собранию в этом сезоне и прекрасной речи леди Элайяны!

Все неуверенно, с сомнением похлопали.

Стэн ткнул указательным пальцем в Моргана, который сел по правую сторону от пустого места эльфийки.

– А вот это, если что, Морган Гарвус, наш новый преподаватель, благодаря которому у нас заново открывается кафедра Тайн Магического Мира. Такие дела.

На сей раз аплодисменты громыхнули сами, без просьбы, и очень мощные. Морган встал и поклонился. Он снова был в своем иноземном плаще-летяге, переливающимся темно-зеленым шелком. Потом преподаватель тряхнул рукой: одинокая, позабытая черная капелька упала с аккуратного ногтя и красиво полетела к зеркалу, в которое беззвучно влилась.

Аплодисменты грянули повторно. Откуда-то сзади раздался слабый крик: «Я люблю вас!...»

«И я!...» – поддержали сбоку.

– А этот Морган действительно хорош! – сказала Ладислава близнецам, вспомнив вчерашнее обсуждение. Но Фрэнсис и Тисса продолжали изображать «У» = «Угрюмость».

– Ну, с остальными моими коллегами вы как-нибудь сами познакомитесь... – вздохнул Стэн и на всякий случай оглянулся на коллег – без обид? Без обид – закивали, замахали они.

Понимали, что на фоне Гарвуса сейчас не надо высываться. Бесплезно. Он сегодня – королева бала.

Рыжий вообще, как вдруг заметила Ладислава, куда-то успел уйти. Только чемоданы остались.

– А сейчас вы покушайте и все такое, а потом приходите ко мне в библиотеку, выдам вам инвентарь, – отбарабанил Стэн Хлестовски.

После этого он облегченно выдохнул – как после тяжелой работы, и быстро-быстро выпорхнул в боковую дверь.

Между столами забежали уютницы (так в академии называли всех кухарок, горничных, разносчиц и так далее) в белых – смотри соусом не капни – платьях. Студенты начали есть.

– Может, все-таки поговорим? – после двух минут тяжелого молчания предложила Ладислава своим мрачно жующим спутникам.

Но не успели они ответить, как к их столику подошел сам сиятельный Морган Гарвус.

– Фрэнсис, приветствую. Мы начнем наш спецкурс уже

завтра, – сухо и высокомерно сказал он.

Ни он, ни его красноглазый ворон не удостоили Ладиславу взглядом. Вот и отлично – видимо, ночью не рассмотрели.

Фрэнсис кивнул, и Морган ускользил прочь.

– Какой он... величественный! – хмыкнула Лади, вновь пробуя наладить контакт с приунывшими после «убийца» соседями.

– Я пойду, – буркнул Фрэнсис, вытирая салфеткой рот и с грохотом отодвигая стул. – Увидимся позже.

– Фрэнс! погоди! Я с тобой! – заторопилась Тисса.

Ладислава проводила близнецов долгим взглядом. *М-да*. Пожала плечами.

Еще какое-то время она жевала блинчики с кленовым сиропом, поданные с кофе, потом с полным правом подхватила свои чемоданы. «Закину в башню, а потом – искать пресловутую библиотеку. Запишусь везде первой, и – на пляж!» – решила она, видя в окне, как солнечно сегодня на улице.

5. Исход лета

Мы знаем, что Лайонасса – это самое первое бытие, созданное Отцом Небесным, квинтэссенция всепронизывающей энергии унии. Однако богов-хранителей и драконов Отец сотворил не сразу... Наша земля существовала и до них, и сами хранители также подтверждают это в своих записках.

Ирвич из Дома Дерзающих, теолог

Ладислава оттащила чемоданы в Хромую башню. Там она долго глядела в окно: ждала море, но моря не было.

Интересно, а деревню ундов видно с поверхности в ясный день? Прилетит ли «убивец зубастый» к рыбам сегодня?

Найт – эксперимента ради – разделась догола и посмотрелась в зеркало-трюмо. Одним глазком, через раскрытые пальцы ладони. Подражательная охота на отражение охотника. А то вдруг загадка связана с зеркалом, а не с Фрэнсисом?

Но все было как всегда. Включая три черные цифры под грудью, смертельный «подарок» со стажировки в порту.

Цифры, о которых позже... А лучше б – никогда.

Сердце девушки болезненно сжалось. Ладислава ругнулась, потом отрешенно заметила, что при взгляде на клеймо у нее стало точно такое же холодное выражение лица, как было у Фрэнсиса вчера ночью. Хм. Так о чем не хочет вспо-

минать близнец?

Результат эксперимента: отрицательный. Дело не в трюмо, а в самом Фрэнсисе, что и требовалось доказать.

Одевшись, Лади глубоко выдохнула, отгоняя плохие мысли, покинула спальню, проскакала по коридору, отогнула секретный гобелен и нашла нужный поворот.

– Привет, дракон!

Энергичный стук по носу скульптуры.

– Я принесу тебе много камней сегодня, но скажи: что не так с моей спальней?

– Камешки вперед-с-с.

– Может, дело не в комнате, а в близнецах?

– Камешки!

– Они так побледнели из-за речи унда... И Морган сразу же к ним подошел... Ребята связаны с «убийцем»? Они, что называется, «плохие парни»? Мне доставать наручники?

– Во-первых, я понятия не имею, что за унд и Морган. Я ж тебе не бабка-провидица. Во-вторых: наручники с мехом? Тогда можно. А в-третьих: Ка. Меш. Ки!!!

– Ах ты ж мраморный чурбан! Принесу тебе справочник по экономике. Почитаешь про кредиты, ящер.

* * *

Библиотека пряталась в самом сердце замка: к ней вела одна из трех узких винтовых лестниц главного холла.

Лесенка – томный скрип, «прозрачные» чугунные ступени – выныривала рядом с кафедрой выдачи книг. Кафедра эта, как юбка гриба-поганки, обводила шестиугольную колонну, изрезанную морщинами письмен.

Колонна была цвета старой кости. Кажется, по возрасту превосходила сам замок – и без того древний. Молодой Стэн Хлестовски на ее фоне казался зародышем ненаступившего будущего.

Сейчас библиотекарь помогал первокурснику выбрать предметы на осенний семестр:

– Не знаете, что еще взять? Очень рекомендую вам «Наследие Этерны»...

Остальные новички выстроились длинной очередью. Она раскручивалась, как спираль, как галактика – попеременно вспыхивала блеском смеха, туманными зевками, осыпалась шепотами, пела музыкой кокетства и швырялась кометами недовольства: «Что там выбирать-то? Быстрее!»

Ладислава решила пока побродить вдоль книжных полок.

Библиотека была такой же гексагональной, как и костяная колонна в ее центре. Шесть отделов разбегались пульсом в разные стороны, увенчанные арками с подписями: «Предельные науки», «Поэтика мирозданий», «О жизни и дальше», «Магистрам легкого смеха», «Не читай, любуйся» и «Адептова подмога» (здесь темный паркет был вытоптан: отделом пользовались часто).

Ладислава сняла с пыльной полки – апчхи! – толстый фо-

лиант с картами острова. Нужно узнать Этерну получше. Сейчас Найт не знала ни праха: она собиралась сюда впопыхах. В принципе, в том, чтобы приехать глобально неподготовленной, была некая ставка на приключение. Но теперь пришло время собирать информацию.

Итак, карта!

Вот академия: на юго-востоке острова. Вот три рыбацкие деревни раскинулись, как пятнышки тюленя, по западному и северному побережьям. Вот черный череп: земля пиратов, чтоб их. Вот скалисто-лесистый центр: два круглых озера и неподалеку от них строение, похожее то ли на серп луны, то ли на тонкую улыбку...

Ладислава прищурилась, вчитываясь в каракули текста. «Корпус загадок» – было написано у строения, – «Местоположение не определено». Надписи вокруг тоже были какие-то странные, но Найт не успела вчитаться в них, потому что у нее за спиной вдруг раздался мрачный голос:

– Эти карты нужны мне.

Девушка вздрогнула. Да что ж они тут все так подкрадываются! Д'гаррова колдунская обувь – мягкая и бесшумная! То ли дело жандармские сапоги, что всегда слышны за два квартала...

Ладислава развернулась и столкнулась взглядом с Морганом Гарвусом. В руках мастера тайн лежала целая стопка фолиантов, на корешках которых в разном контексте упоминался остров Этерны.

– Держите! – сказала Лади, бахая свою книгу поверх стопки лектора. Взметнулось облачко пыли. – Вы ведь тоже первый год здесь, мастер? Вам интересно, что тут и как устроено?

– Да, – ответил Гарвус так холодно, что продолжать диалог было невозможно: голосовые связки Найт замерзли.

И мастер ушел.

* * *

Когда очередь рассосалась и библиотека снова вздохнула полной грудью, не обремененной хрипами адептов («сколько уче-е-бы!»), Ладислава последняя подошла к кафедре.

Стэн увидел ее издали.

Рассудив, что с госпожой Найт они уже знакомы, а значит – почти друзья, Хлестовски забрался на столешницу с ногами, сел по-птичьи, будто на жердочку, и спрятал ладони в подмышки. Желтым немигающим взглядом он следил за тем, как Лади выбирает предметы.

Для каждой дисциплины имелась брошюра с описанием и листок для записи. Лади сразу потянулась к листам. В «шапке» указывалось название и время занятий. Ниже – записавшиеся студенты.

Сразу было видно, что пользуется популярностью, а что нет.

Так, под Тайнами Магического Мира собрались все два-

дцать подписей курса. Не меньший энтузиазм вызывали Боевая Магия, Артефакторство, Иллюзии, Целительство и...

– Ого, и такое бывает? – ахнула Найт, когда наткнулась на дисциплину: «Сыскное Дело Для Магов».

– Отчего б не бывать, – вздохнул Стэн. – Особенно с таким лектором, как Берти Голден-Халла...

Услышав фамилию, Найт подпрыгнула:

– Голден-Халла! Корабельный маг просил передать ему привет. Рассыпался в дифирамбах. Получается, это преподаватель?

Стэн, почему-то раздраженный, закатил глаза:

– Ты что, вообще ничего про Академию не знаешь?

– Скоро узнаю, – Найт пожала плечами и, чтобы подтвердить намерение, активно закопошилась в листках. – На сколько предметов я могу записаться?

– Да на сколько хочешь.

– Класс!

И адептка, высунув от усердия язык, начала, не глядя, вписывать свою фамилию во все бланки.

– Эм, ну-у-у... – Стэн по-птичьи ненатурально вывернул голову. – У тебя как бы лекции по времени пересекаются. Как ты собираешься их посещать?

– А я буду злостно прогуливать все, что мне не понравится.

– Плохая идея. Тебя запомнят и в следующем году станут смотреть на тебя недобро. А когда колдун смотрит на чело-

века недобро, человек ломается.

– Следующий год меня не волнует! – максимально легкомысленно сказала Найт. Но по сердцу от этих слов – чистейшей правды – все-таки прошла болезненная, злая дрожь... Д'гарр. Она никогда не привыкнет. Да и можно ли привыкнуть к такому?..

Ладислава добралась до последнего предмета в списке. «Наследие Этерны».

И ни одной фамилии внизу.

– А что это такое? – спросила Лади, помахав листком.

Стэн как-то очевидно скусился. Сероватые волосы его встопорщились, взгляд остекленел – меня тут нет, меня не обидят.

– Это, ну, про наш остров. Местные обычаи, легенды, верования. Как бы этнография.

– Любопытно! А почему никто не записался?

– Видимо, *им* нелюбопытно, – обиженно буркнул Стэн. – И не полезно. Кому вообще нужен наш дурацкий и своенравный шмат земли, брошенный на краю мира? На материке знания о нем все равно не пригодятся...

Лади изумленно подняла глаза на Хлестовски.

Кажется, Стэн произносил не свои слова, а чьи-то. Такое случается. Если человеку сто раз сказать: «Дубина ты стое-росовая!», то он, наверное, сразу не согласится – хотя бы из гордости. Но однажды, в совершенно другом разговоре и с другим собеседником, у него вдруг вылезет самоуничижи-

тельное: «Дубина я стоеросовая!»

Неуверенность подтачивает тихо.

Но упрямо.

– Стэн, скажи: это ты преподаешь «Наследие Этерны»? –
Найт строго свела пшеничные брови.

– Ну я, – расстроенно буркнул оборотень-помощник-библиотекарь. – Нет! Не записывайся из жалости, чтоб потом прогуливать! Найт!!!

– Я не из жалости. Просто это действительно интересно.

А как иначе? Если тут и невиданные отливы, и корпус загадок, и блуждающее море в окне?

– Прогуливать не буду, обещаю!

– Ишь какая!.. Кхм. Ну... Лады. И давай иди уже отсюда. Спасибо. И маг-браслет не забудь.

* * *

Ладислава неспешно брела по мозаике главного холла в сторону Боковых Морских Дверей, когда до нее «дошло».

Сработала ассоциация. Вид напольного рисунка, мелко набранного стеклом (светящийся маяк в штормовом море), помог сложить другую мозаику в ее мозгу.

Кусочек номер раз – это дисциплина «Сыскное дело для магов» под авторством Берти Голден-Халлы.

Кусочек номер два – вчерашнее возмущение рыжего: «Я к семинару по техникам наблюдения готовлюсь!»

Так где еще могут быть «техники наблюдения», как не в «сыском деле»?

Значит, это он – тот самый, кого «либо любят, либо не успели полюбить»?

– Неужели в этом правиле нет исключений?.. – вслух про-
бормотала Найт, остановившись у гребня стеклянной вол-
ны, за которой был нарисован девятый вал, пугающий даже
в двухмерности.

Вдруг кто-то весело похлопал ее по плечу:

– Хей-хей! Задаешь вопрос – получи ответ. В любом пра-
виле есть исключения. Вот аксиомы – совсем другое дело.

Но когда Лади изумленно обернулась, рыжий хвост вме-
сте со своим обладателем уже бодро взбегал – почти взлетал
– по второй винтовой лестнице, той, что вела в кабинет ле-
ди-ректора.

Зеленые брюки-дудочки, белая рубашка с закатанными
рукавами. Теплый загар и подгоревший на солнце прият-
но-длинный нос. Ни вещей в руках, ничего – держит при се-
бе лишь свою энергию, похожую на золотой шар, прыгает с
ней в обнимку аж через две ступени, не касаясь перил.

Кажется, точно так же, налегке, он бы рванул в другую
страну или Вселенную, или даже за ее пределы, и не чувство-
вал бы неудобств.

*А что, людям в пути нужно что-то, кроме них самих? О
нет. Нет-нет. Они просто не пробовали по-другому. Я в них
верю: справятся. Хей.*

...Берти Голден-Халла скрылся из виду, не оглянувшись.
«Привет» корабельного мага пришлось отложить.

* * *

Ладислава стояла на вершине узкого и длинного холма, который отделял академию от берега.

Изумрудные облачка пиний парили над головой девушки, страстоцвет цвел под ногами, вокруг торчали каменные останки древней обсерватории.

Но Лади смотрела только на море, чья бухта раскинулась впереди. Сейчас, в последний день августа, оно блестело под солнцем мягкой, угасающей красотой. Тихое и мирное, море раскатывалось от светло-голубого к насыщенно-бирюзовому цвету. Линия горизонта была дымчатой: будто пальцем смазали карандаш.

Найт начала спускаться.

Уже издали она увидела, как много на берегу студентов. Одни играли в мяч, другие валялись по-тюленьи. Над водой взволнованно орали чайки: *что это за дикари на нашей территории? Три летних месяца мы жили, как хотели, а теперь... Что за бескрылые злодеи?!*

Темно-серые скалы обрамляли бухту по сторонам. Первогодки толпились на одной из них, с гиканьем и хохотом убеждая друг друга прыгнуть. Кто-то неуклюже нырнул – под свист и вопли одобрения. Потом еще один, сразу. Еще.

Долго уговаривали четвертого добровольца. И снова бурно радовались прыжку.

Найт, которая обожала нырять, фыркнула и азартно потеряла ладони:

– Пф! Слабаки! Встречайте мастера!

...И не последнюю роль в этом ее решении сыграло то, что на другом конце пляжа девушка разглядела Фрэнсиса. Близнец сидел на валуне у воды и тоскливо запускал по воде камешки, изредка поглядывая на ныряльщиков.

Грустит? Это плохо.

Хотя грустить на берегу не страшно. Большая вода успокаивает. Мгновенно. Слизирует горечь и уносит за предел, низвергает водопадом в космос, распускает в атомы, а тебе приносит улыбку – с новой волной. Всепрощающее море. Безустанное.

Наверное, сложно им быть.

– Ща мы тебя взбодрим, Фрэнсис! – пообещала Найт.

Изящным жестом она стянула через голову льняное платье. Убедилась, что широкий топ ее купальника надежно скрывает черные цифры под грудью. Потом сняла с запястья болтавшийся алый маг-браслет (а то слетит!) – и побежала.

Побежала вниз по вертлявой дорожке, наслаждаясь тем, как камни колют голые пальцы, как ветер умывает глаза холодом, как путаются за спиной волосы – золотые флюгера свободы.

Лади взлетела на скалу, прорвалась сквозь ряды мнущих-

ся однокурсников, заглянула в воду – ни намека на камни и другие опасности, быстро сунула кому-то свои вещи и с боевым воплем рыбкой нырнула в море.

Сзади дружно ахнули:

– Где ее браслет?!

Но Ладислава не слышала.

У нее – свист в ушах!

Удар! И успокоительная тишина подводного мира.

Девушка руками раздвинула мерцающую, переливчатую синеву и, развернувшись, поплыла наверх.

Но не успела она вынырнуть, как что-то зацепилось ей за щиколотку. Водоросль? Лади дернула ногой. Хватка усилилась. Девушка, булькнув от неожиданности, опустила глаза... И тотчас в ужасе расширила их.

* * *

За ногу ее держало непонятное светящееся существо, похожее на смесь медузы с зубастым гномом. И что хуже: из бархатной глубины выплывали его друзья. Очень много друзей с не самыми приятными улыбками.

– Бульк! – сказала Лади и забила ногами, как ластами.

Но существо вцепилось намертво. Его товарищи также похватали девушку за ступни и, низко урча, потащили ее вниз, в царство редких солнечных пятен морской глубины. Ладислава изогнулась, руками пытаясь отодрать мерзких

«ГНОМОВ», но они лишь обрадовались: вцепились в запястья, в шею...

«Жмых! – подумала Найт, теряя воздух. – Это вообще ЧТО?! И где у них болевые точки?! Мне же еще РАНО!!!»

Неожиданно вода вокруг вспыхнула красным цветом. Лади, отнюдь не будучи паникершей, на секунду испугалась: не ее ли это кровь? Уже грызут, гады нетерпеливые?!

Но нет. Вспышка повторилась: теперь с фиолетовым блеском. В воду кто-то нырнул: глубина взвилась столбом белых пузырьков.

Часть «гномов» рванула туда. Но их на полпути обезвредила целая стая пульсаров, похожих на морские звезды. Оставшиеся твари завизжали и в панике сиганули вниз, странно дергая желейнными лапками.

Найт, чьи легкие уже горели, как печи северного Норшвайна, рванула в обратном направлении.

Поверхность!

Ладислава жадно вдохнула воздух, пытаясь успокоить сердце и ожидая, пока прояснится зрение.

– Ур-р-р-а-а! – грохнули ликующие вопли адептов со скалы.

Внезапно рядом с девушкой вынырнул Фрэнсис. Прямо как был: в брюках и рубашке, облепивших тело. Взгляд у близнеца был недоуменно-рассерженный.

– Ты с ума сошла – плавать без маг-браслета?! – рявкнул Фрэнсис. – Только он отпугивает тварей от чужаков! Застав-

ляет их держаться на отдалении, хоть и облизываться!

Ладислава перевела дыхание.

Жива. Хвала небу, все еще жива.

– Спасибо, что разогнал их, – выдавила Найт.

– Какое «спасибо»! Ты могла умереть! Они, – палец на первокурсников, – еще не учились подводной боевке. Их максимум: нырнуть самим и быстренько выплыть, светя браслетом, и то после долгих сомнений, адреналина ради. Они бы не спасли тебя!

– Видишь, как мне повезло, что ты был рядом.

Ладислава прикрыла глаза. Ее слегка потряхивало от пережитого, но она изо всех сил скрывала это. Страх был главным ее врагом, не хотелось давать слабину.

Близнец нахмурился.

В его столичном мире, когда девушки были испуганы – девушки рыдали. Найт не рыдает? Значит, не понимает серьезность положения. Надо объяснить.

Он схватил Ладиславу за плечи.

– Грызгены бы съели тебя по кускам, – с расстановкой сказал Фрэнс.

– Они называются грызгены? Учту. Я таких не встречала.

– Потому что это местные твари. На материке их нет.

Ладислава округлила губы трубочкой: вежливое: «О?» Она изо всех сил продолжала грести ногами: увлекшийся близнец, хватка у него была железная, казалось, вот-вот ее потопит. Сам. Безо всяких грызгенов.

– Найт! Объясни: почему ты выбрала Бурю для учебы, если не знаешь о ней базовых вещей? – в глазах Фрэнсиса вдруг мелькнуло что-то еще, кроме беспокойства.

Какое-то неприятное подозрение.

– М-м. По зову сердца?.. – протянула Лади.

Подозрение усилилось.

Ладислава облизнула губы, стерла с лица лучисто-картонное выражение и честно сказала:

– Здесь есть море и магия. Есть незнакомцы, а знакомых нет, что для меня плюс, потому что я хочу получить максимум нового опыта. Хочу с головой погрузиться в жизнь. Без оглядки на себя прошлую. Хочу, чтоб этот семестр... В смысле, каждый семестр вмещал в себя целую судьбу. Я жадна до впечатлений, Фрэнсис. И мне показалось чудесной идеей приехать в необычное место, о котором я ни жмыха не знаю. Кто-то скажет – идиотизм. Я скажу – рождаемся мы тоже с пустой башкой в незнакомом опасном мире. И ничего ведь, верно? Это не повод саботировать жизнь. Это повод ее узнать.

– Когда ты рождаешься, о тебе обычно есть кому позаботиться, – возразил Фрэнсис, удивленный ее ответом.

– Ой не всегда. Как же сироты?!

– Найт! Ознакомься с правилами выживания на острове, – строго попросил близнец. – Философия философией... Но устав монастыря выучи, ладно?

Адепты на скале давно заткнулись, с любопытством вслу-

шиваясь в диалог. К счастью, игривый бриз уносил слова в обратную сторону, куда-то в бесконечное, предвечное море.

– Выучу, – кивнула Лади. – Слушай, а почему ты все-таки сменил боевую кафедру на ТММ? Судя по твоим заклинаниям сейчас, это точно не связано с плохими оценками!

Фрэнсис замялся и отвел взгляд.

– Это очередная деталь твоего огромного секрета, да? – вдохновилась Найт. – Поделишься? Я умею хранить тайны! Вот уже полсутки молчу про ремонт и другие ее составные части! – лихо подмигнула она.

Вода тихо плескалась под ладонями, продолжали верещать чайки. Одна птица нырнула за рыбкой в каком-то метре от ребят, и выхваченная скользкая серебряная тушка хлопнула ртом, а потом навсегда исчезла в белой глотке птицы.

– Йя! – подмигнула довольная чайка. – Йя-йя! – на норшвайнский манер. Не хватало только, чтоб она крылом живот потерла, дескать, вкуснятина.

Близнец шуганул птицу и категорично покачал головой:

– Секрет не только мой. Проболтаешься – навредишь другим людям, так что нет. И вообще, поплыли. Ты все еще без браслета, а грызгены быстро приходят в себя. Или тебе понравились их объятия?

Лади вздрогнула и вперед юноши рванула на берег.

Фрэнсис почему-то не захотел оставаться на пляже в мокрой одежде.

– Это я виновата, – вздохнула Лади, прыгая и колотя себя по плечам, чтоб согнать мурашки. – Давай я принесу тебе из замка сменные вещи.

Тот отмахнулся:

– Не надо, мне все равно пора возвращаться.

– Тогда, может, я угощу тебя ужином в благодарность? Здесь, на острове, есть какие-нибудь приятные ресторанчики?

Фрэнсис, который остервенело выжимал рубашку, чтобы совсем уж не истекать морем по дороге, изумленно воззрился на нее снизу вверх. Потом вдруг вскочил на ноги и с неожиданным интересом обошел девушку по кругу:

– погоди! Найт, ты что, на свидание меня приглашаешь?

Ладислава вспыхнула. Вот с-с-сажа! Понял.

Пробубнила:

– Свидание? Какое свидание? Разве ж девушки приглашают парней? Вроде это не принято.

Фрэнсис навернул еще один хищный круг – уже в обратную сторону, молодец такой.

– А разве девушки прыгают в воду со скал? – возразил он. – Превращают столики в щиты? Одеваются за минуту и

уезжают д'гарр-знает-куда?.. Ответ: нет! А вот от тебя всего можно ждать. Очень смелая госпожа Ладислава!

«Приплыли, – кисло подумала Лади. – Я его уже запугала». И она начала ковырять песок мыском ноги: авось провалится сквозь землю.

Фрэнсис встал перед ней, уперев руки в боки:

– Так все же свидание?

– Расценивай как угодно! – саусберийка окончательно смешалась.

И хочется и колется.

В отношениях ей куда хуже давалась смелость. Двадцать грызгенов или один красавчик? Двадцать грызгенов, пожалуйста! И пару водяных на сдачу.

Меж тем Фрэнсис натурально просиял. Солнце, смущенное конкуренцией, поспешило спрятаться за облаком, раскрывшимся вдруг, как кувшинка на пруду или дамский веер.

Брюнет засунул руки в карманы и удивленно качнулся с мыска на пятку.

– Надо же! – сказал он. – Ты зовешь меня куда-то, не зная, кто я такой. Д'гарр! Это... Восхитительно!

– А кто ты? – Ладислава встрепелась.

– Я Фрэнсис! – улыбнулся Фрэнсис.

Диалог явно зашел в тупик.

Вдалеке раздался долгий перезвон башенных часов: три пополудни.

Улыбка съехала с лица брюнета, как снежная лавина с пи-

ка Ротхорн: не оставляя ничего живого, лишь белизну.

– Мне пора, – вздохнул парень. – По ужину... Я очень хочу пойти на него с тобой. Но давай сделаем это через какое-то время, м? Успеем тут освоиться. Мне обязательно надо разобраться в некоторых... учебных обязательствах, прежде чем я смогу покидать территорию академии. Но ты от него теперь не увернешься, Найт. Даже не надейся. А пока я буду очень рад просто пить с тобой кофе тут и там. Как тебе такой план?

Девушка рассмеялась и согласилась. Фрэнсис подмигнул, потом быстро, в столичном стиле поцеловал Ладиславе руку и трусцой побежал к замку.

Найт села на песок, лицом к морю.

– Эй, вещи-то возьмешь? – крикнули ей однокурсники, все еще толпившиеся на скале слева. После боя с грызгенами никто так и не решился прыгнуть еще раз: хоть с браслетом, хоть с молитвой, хоть как.

Ладислава рассеянно подняла руку с выставленным указательным пальцем – минуту! – и призадумалась. Прозрачно-бирюзовая вода с белой каймой мягкими губами обхватывала ее ступни и снова утекала вдаль.

Одна деталь смущала Ладиславу. Что значит: «Не зная, кто я такой»? Почему это повод для такой бурной радости?

Из-за утренних событий и общего антуража девушка решила, что секрет у Фрэнсиса довольно темный. И знание о нем должно отвращать, а не привлекать женщин. Но тогда

реплика Фрэнсиса не имеет смысла!

Может, у близнеца не один секрет, а два? Первый из них Фрэнсис отказывается обсуждать: вероятно, эта тайна связана с зеркалами, ундами, неприятным словом «убивец»; окном на море. Болтовня об этом секрете может повредить другим.

А второй секрет... Получается, он условно «хороший»? То есть Фрэнсис скрывает что-то, что обычно притягивает к нему людей? Что-то, без чего он и не думал, что может быть привлекательным для девушек? Что же это? Слава? Власть? Богатство? Учитывая шикарный ремонт в Хромой башне, сделанный для близнецов, – последнее вполне вероятно.

Ладислава поболтала ногами в воде, взбивая ее в густой морской коктейль из пены и песочка.

«Ну, – подумала она, – я же записалась на Сыскное Дело. Вот тебе и тема курсовой, если потребуется».

* * *

Через пять минут после этого Найт завоевала сердца всех студентов-со-скалы. Это оказалось весьма просто.

Потребовалось всего-то надеть маг-браслет и... заново прыгнуть в море. Там показать язык грызгенам – они скалились и шипели, но теперь боялись приближаться – и под бурное одобрение однокурсников выплыть обратно, триумфально потрясая кукишем в сторону жележных тварей.

Потом адепты и Ладислава загорали. Руками ловили чаек – эти глупых отчего-то долго бегали, прежде чем улететь. Вязали плот. Найт посетовала, что она полная дура – ничего не знает об Этерне. Учитывая, что плот не утонул сразу же только благодаря ей, студенты искренне стали убеждать ее в высоком уровне интеллектуального развития. А потом с энтузиазмом провели краткий ликбез на тему Минимальных Правил Выживания На Острове.

В благодарность Найт сгоняла в ближайшую деревню и вернулась с огромной корзиной сосисок, зефира, выпечки и напитков. Спустила на это столько денег, сколько раньше и за неделю не тратила.

Шикую.

На запах еды к их компании притянуло и нескольких старшекурсников. Они принесли с собой идею костра. Его развели на закате, на берегу, в яме, взорванной мощным и точным пульсаром одной из студенток.

Ладислава жарила на палочке зефир и наслаждалась видом. Солнце уже таяло в море, как масло, растекалось по небу тонкой оранжево-розовой пленкой. Светящийся багрянец отражался от песка, бликуя рыжим на волосах адептов: все они вдруг напомнили ей почти незнакомого, но такого яркого Берти Голден-Халлу – увидишь всего один раз, а в сетчатку впитается намертво, вот злодей.

Между тем ребята вокруг как раз оказались специалистами по жизни и быту преподавателей. Едва на пляже нача-

ли битву холодный ночной ветер и горячее дыхание костра, адепты включили музыку сплетен.

Досталось всем обитателям академии.

Ладислава узнала, что Стэн Хлестовски – единственный среди лекторов местный житель. Все остальные приехали на этот богами забытый остров, прячась от каких-то своих бед или потерь. Или надеясь встретить что-то, чему сложно найти определение, но что иногда находит тебя на пустом берегу у далекого моря. Подходит, незримое, опускается рядом на мокрый песок и улыбается: *«Здравствуй, хороший мой. Я так долго тебя искал, ты даже не представляешь. И вот наконец-то ты здесь, и я тебя никуда, никуда не пущу, решаешь?»*

Возвращаясь к Стэну, выяснилось, что он всегда очень грустит из-за того, что официально числится заместителем ректора, но по факту Элайяна шугает его, как первокурсника, ни в грош не ставя.

Также ребята рассказали, что мастер Шильд'эс – преподаватель боевой магии – из народа шэрхен, и волосы у него синие, как кровь василиска. Что мастер Хьюго-артефактор и лекторша по астрологии («Ну, вот такая», – чернявый Рейло обрисовал руками восьмерку, показывая Ладиславе, какая именно) гуляют под луной за ручку и не только.

Что госпожа Мириам Клыккер – преподавательница по Уходу За Маг-Существами – в том году выходила и подарила леди-ректору волшебную птицу иррин, которая теперь

помогает эльфийке вести зельеварение.

Про леди-ректора было особенно много слухов.

Она приехала из Лютгардии – восточной страны эльфов и дриад, – где пять лет назад умудрилась выиграть принудительный королевский отбор невест.

– Конкурс на женитьбу? Что за бред? – обалдела Ладислава и мгновенно наткнулась на разноголосый хор Ты-Ничего-Не-Понимаешь от своих новых подружек.

Однако неожиданная победа в отборе расходилась с амбициозными взглядами леди-ректора на достойную жизнь.

Элайяна сбежала и скрывалась в Асерине, а сограждане-эльфы искали ее, крайне озабоченные матримониальным аспектом, и даже наняли сыщика Голден-Халлу для ловли беглянки. Господин Берти нашел Элайяну в два счета, но, вместо того чтоб выдать эльфам, помог ей скрыться, а потом под шумок сунул визитку бывшего ректора Бури и билет на корабль. Элайяна нашла тут убежище и работу, а год назад, когда старик Фоскаш ушел на пенсию, заняла его должность.

– А как здесь оказался сам Берти? – любопытствовала Найт.

Этого никто не знал, но студенты выдвинули много гипотез, одну безумнее другой.

И про то, что Голден-Халла влюблен в Элайяну («А она в него, это же сразу видно!» – заговорщицки поделилась кудрявая девочка Ильга). И про таинственные преступления, которые Берти разгадывает на Этерне (такие таинственные,

что никто другой о них не подозревает). И даже про то, что Архиепископу Саусберийскому Ноа де Винтервиллю (одному из важнейших лиц государства) не нравятся рыжие – Бертрама Голден-Халлу он просто сослал.

Архиепископ любил всех ссылать, это правда. Вся церковь в Асерине была той еще штучкой, но архиепископ – особенно эксклюзивным гадом.

– Да какая разница, почему он здесь оказался? – возмущился пухленький очкастый пятикурсник Твигго под треск костра. – Главное, чтобы теперь никуда не делся.

– Да уж, с Берти не соскучишься!

– Мировой чувак.

– Мой любимый семинарист.

– И пес у него хороший, видели? Такой маленький тьявкающий качок.

– А мне вот что-то доктор Морган ближе...

– Твой Морган – звезда звезданутая, сразу видно, а Берти – свой в доску!

– Ага, но предмет у Моргана – позорище. Да и у Берти фигня какая-то, если честно. Леди-ректор их и характером, и маг-пользой в два счета уделает!

И дальше – жаркие, жаркие споры у ало-оранжевого костра.

Когда на небе стали разгораться звезды – одна за другой, теплые приветы от ледяной Вселенной, – студенты зажгли огни и цепочкой вернулись в замок. Со стороны казалось:

искорки блуждают по ночным холмам.

Ладислава была очень счастлива.

Пока все шло именно так, как она и хотела.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

6. Ей придется ускориться

Я не знаю, что я могу противопоставить смерти, кроме смеха и любви, понимаешь? Созидание-то мое, все мной созданное – тоже обречено, не так ли?

Из переписки хранителей Теннета и Селесты, III век до нашей эры

Когда Ладислава вернулась в Хромую башню, коридорный дракон спал. Даже похрапывал: жилки мрамора вибрировали у него на вдохе-выдохе. Девушка положила на постамент несколько камешков, подобранных на пляже – *налог-с-с*, – и на цыпочках пошла к своей комнате.

У двери она не удержалась от соблазна. Вместо того чтоб постучаться или открыть ключом, Лади воровато оглянулась и примкнула глазом к замочной скважине. Ну вдруг там что-нибудь интересное? Зеркально-триумфальное, длинно-ное, плечистое?

Но в спальне была только Тисса. В неожиданной позе.

Близняшка стояла на коленях перед фреской с богами. В одной руке адептка держала чашу, полную золотой краски. Она зачерпывала пигмент пальцами и, шепча молитву, покрывала золотыми буквами свое лицо, шею и плечи. Так делают высокие священные чины в Саусборне.

Ладислава отпрянула, смущенная. Хм.

И как же теперь быть? Зайти и помешать – неловко.

Найт развернулась ко второй двери, за которой жил Фрэнсис.

Очень тихо поскреблась:

– Фрэнс?..

Нет ответа.

– Что ж. Сон откладывается, ночь продолжается! – Лади цокнула языком и, поколебавшись, достала свой блокнот с заметками.

Она открыла страницу, заложенную красной атласной лентой. Здесь начинался длинный список, который Ладислава сочинила месяц назад, сразу после ситуации с ее портовой стажировкой. Сочинила первым делом, даже до того как начала бесконечную беготню по страховым компаниям, знахарям и судейским собраниям; до того как развернула процесс по продаже дома и придумала себе перевод в Академию Бурю...

Раньше список назывался:

«Что я обязана успеть».

Но это было мрачно, а Найт всячески избегала мрачности и вообще любых напоминаний о происходящем. Как будто, не думая об этом, могла убежать от грядущего. Хотя оно упорно нагоняло. Как и мысли о нем.

Тем не менее прежняя фраза была заклеена, поверх значилось:

«Клевые дела!»

Найт пальцем повела по знакомым строкам и вскоре остановилась на пункте: «Посидеть на крыше ночью».

– Это я могу, – девушка удовлетворенно кивнула и пошла прочь.

* * *

Выбирать – так лучшее. Поэтому Ладислава отправилась на башню Алого Ордена – самую высокую в академии, часовую.

Две сотни узких, стертых временем ступеней – и деревянный люк к свободе как награда. Ладислава вцепилась в железную скобу и со скрежетом сдвинула крышку.

– ГАВ!

Найт вздрогнула и чуть не улетела вниз, когда на фоне звездного неба возникла голова собаки. Маленькой, золотистой, с умными глазами и большими ушами, торчащими, как у пустынной лисы.

– Гав! – повторил пес и сразу перешел к следующему этапу переговоров: – Р-р-р-р-р-р! – оскалился.

И не успела Лади малодушно задвинуть люк обратно – ну на фиг, что за зубы! – как услышала уже знакомый тенор:

– Арчи, цыц! Что там такое?

И вот в проеме появилась другая голова. Человечья. Лохматая. И куда более рыжая, чем у пса.

Берти-Здравствуй-Голден-Халла.

– А! Госпожа чемоданное настроение! Привет! – сыщик улыбнулся, помахал рукой и тотчас снова скрылся из виду. Только мелькнул хвостик, подвязанный белым обувным шнурком.

Пес зыркнул на Лади – *я тебя запомнил* – и попятился вслед за хозяином.

Ладислава застыла на лестнице.

...Что значит «привет»? Это приглашение подняться? Или просьба уйти? Или она может действовать, как ей хочется?

Так как с башни не последовало объяснений, Ладислава двинулась по инерции. То есть наверх.

Крыша встретила ее влажно-соленым ветром, огромным созвездием Иерофанта над головой, шепотом моря, шорохом леса, а также – громким звоном металлических деталей.

Это Берти, устроившись под зубцами башни, развинчивал огромный телескоп. Голден-Халла что-то затейливо, мелодично насвистывал за работой. Соловьи на деревьях в саду пытались составить ему конкуренцию, но сыщик побеждал по всем параметрам: громкости, самозабвенности, разнообразию репертуара.

Пес лежал рядом, с упоением и рыком разгрызая чью-то кость. «Надеюсь, не предыдущего им помешавшего», – подумала Ладислава. Ее присутствия будто не замечали.

– Простите меня за фингал, мастер, – наконец смиренно и по-ученически обратилась она к спине в зеленой кофте.

Спина была поджарая, очень прямая, а вот согнутые ноги свои Голден-Халла раскинул по сторонам под дикими паучьими углами: наверное, с такой длиной конечностей их просто страшно выпрямить – дотянутся до самого моря.

В этот момент Берти дернул какой-то болтик, и весь телескоп тотчас рассыпался на детали со страшным звоном. Ладислава ойкнула: сломал?..

– Прощаю! – благосклонно кивнул Голден-Халла, повелитель металлолома, и с удовлетворением оглядел свое блестящее бронзой царство. – Ты не стесняйся, располагайся, я уже ухожу.

Потом он встал, жестом фокусника вытащил из кармана тканый мешочек и, склонившись в три погибели, призывно потряс им:

– Гули-гули-гули...

«Псих!» – мгновенно напряглась Ладислава.

Но... Останки телескопа вдруг встрепенулись и попрыгали к мужчине, как живые, уменьшаясь сообразно таре. Пес Голден-Халлы лениво твякнул на зарвавшуюся шестеренку, которая прокатилась, как монетка, по жилистой гладкошерстной спине собаки.

Берти поймал это колесико, продел сквозь него еще один белый шнурок (видимо, от второго ботинка) и небрежно повязал железку на шею как амулет. Потом сыщик стянул резинкой мешочек: тот урчал, как живой, и Ладислава не бралась обозначать судьбу телескопа – механизм укладывается

спать или... переваривается?

– Изумительная ночь! – оценил Берти, задрав лицо к небу. И показал луне большой палец: «Одобряю!» Так серьезно, будто его несчастное мнение действительно что-то значило в этом мире.

А потом Голден-Халла пружинистой походкой отправился к люку – мимо Найт.

– Хорошего вечера! – пожелал детектив.

И скрылся в дыре в полу. Пес его уже цокал когтями по ступенькам где-то под башней, рыча и возмущаясь их невиданной крутизне: двигаться собаке приходилось почти вертикально, попой кверху.

Не успела Найт, оставшись в одиночестве, от души проклясть себя за молчание – ну и почему ты не ответила? что за внезапный столбняк? ты дура, что ли, я не понимаю? – как раздался шустрый топот, и рыжая башка с хвостиком вынырнула обратно.

Опаньки.

Голден-Халла деловито наставил на девушку указательный палец.

– Обычно я не нарушаю тайнство частной жизни, – предупредил он, вскинув брови. – Но иногда что-то замечу и... разведеть не получается. А потому вопрос, госпожа адептка: ты ведь не собираешься прыгать с крыши?

Ладислава подавилась и закашлялась.

– Самоубийство в мою смену – не очень-то для репутации.

ции, – пояснил Берти и подмигнул. *Хей, я не серьезно. Если что.*

Ладислава с трудом «отморозилась»:

– Прыгать не собираюсь... С чего вы взяли?

Рыжий все тем же пальцем обвел свой рот.

– Микровыражения, – сказал он. – Ты, конечно, чудесно улыбаешься, широко, открыто, но между улыбками делаешь вот так... – он поджал губы в траурную скобку. – Очень часто. Почти каждый раз. Считается, что это не очень здорово и здорово, скажем так.

– Я не замечала этого, – осторожно протянула девушка.

– А вот я заметил, – Берти виновато развел руками. – Микровыражения – такая вещь... Мы не можем их контролировать. Все равно вылезают, пакостники. Однако их очень сложно засечь – полагаю, для тебя это плюс. В том плане, что ты можешь быть спокойна: для всех твой образ легкой мысленной девчонки очень, очень убедителен.

– Х-х-хорошо, – сказала Лади, хотя ей, напротив, стало совсем НЕ хорошо.

Для всех – но не для него?

Берти подпрыгнул, отжавшись от люка, и уселся на краю дыры. Его брови свелись в одну прямую линию, вокруг глаз побежали морщинки, и Найт вдруг поняла – он не так уж и юн, как кажется издали. Лет тридцать ему, наверное, есть, хотя по манерам не скажешь.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спросил детектив, бол-

тая ногами, пока Лади напряженно трогала собственную челюсть, пытаясь понять, как так вышло, что та ее подводит.

Тоже мне, забастовку устроила.

– Нет, вы не можете мне помочь, – наконец выдавила Найт, отведя глаза.

– Ладно. В душу не полезу, обычно там не прибрано, люди злятся и стесняются, хотя, по опыту, некрасивых душ я еще не встречал, – пожал плечами Берти, глядя вдаль. – Но ты знай, госпожа адептка: надежда есть всегда. Не бывает безвыходных ситуаций.

Ладислава чуть не лягнула: бывает! – но вовремя прикусила язык.

Потом сыщик перевел взгляд на девушку:

– На занятия ко мне записалась?

– Да.

– Тогда увидимся на следующей неделе. Ну и на всякий случай: пообещай, что не прыгнешь, адептка!

– Обещаю, – ответила Ладислава.

Берти расплылся в довольной улыбке. На подбородке у него была ямочка:

– Ну а я прыгну! Мне-то можно.

И ловко соскользнул в люк.

Тотчас – грохот ступней, лязганье бронзы разобранного телескопа и – не успела Лади испугаться – лиричный, очень лиричный свист из старой лесной баллады.

Мастер Голден-Халла исчез по своим делам.

Ладислава решила дожидаться на крыше полуночи.

Она еще раз обдумала беседу с Берти и поняла: да, наблюдательный сыщик разглядел в ней грусть, даже отчаяние, но он явно не догадывается об их причине. Потому что иначе ему бы и в голову не пришло, что она может прыгнуть с крыши.

О нет!

Ладислава не из таких грустящих. Напротив, она из тех, кто зубами вцепится в жизнь, кто вырвет ее у любого шакала, сохранит, преумножит любимую.

Если дать ей хотя бы шанс...

Один-единственный. На миллион или миллиард – не важно, она вцепится, выскребет, сердцем его выгрызет, но...

Но как раз отсутствие шанса – документально зафиксированное специалистами – и заставляло Лади глухо выть, когда никто не видит. Например, сейчас.

Госпожа Найт засунула руку под свитер и прижала пальцы к трем выпуклым цифрам на ребре. Сердце саусберийки колотилось как проклятое. Хотя почему «как»?

Проклятое оно и есть.

И виновата в этом жмыхова летняя стажировка в порту. Жмыховы пиратские корабли, жмыхов шеф, заставивший ее открыть тот огромный старинный сундук с особо богатого

судна... «Мы просто посмотрим, Ладислава, возможно, это сокровище достойно большего, чем камера конфиската, возможно, это наш с тобой шанс на достойную жизнь, девочка, если ты понимаешь, о чем я».

Такие сундуки – хитрые, магические – можно открыть только вдвоем, одновременно облив маг-кислотой два замка: один спереди, другой сбоку снизу. Кислоту выдавали работникам таможни. Обычно после этого крышка отскакивала, содержимое изымалось, регистрировалось и отправлялось на специальный склад.

Но сундук, на который положил глаз начальник Ладиславы, действительно оказался особенным. Помимо замков, в нем жило проклятие.

Когда крышка распахнулась, жадный ублюдок, сунувший туда нос, умер на месте. А Ладислава, которая стояла сбоку и ненавидела себя за трусость, за то, что согласилась на аферу, побоялась возмутиться, возразить начальству – кто он, кто она, – «получила срок».

Только срок этот был не в тюрьме. А в собственном теле. «Мне очень жаль, девушка, но это неснимаемое проклятие, мы ничем не можем помочь. Постарайтесь как следует насладиться оставшейся жизнью».

Найт тихо взвыла и тряхнула головой, отгоняя плохие воспоминания.

Зазвонили часы – прямо под ней, все на той же башне Алого Ордена. Камни мелко завибрировали, зубец, на кото-

рый верхом – бесстрашно, да – сидела Лади, низко загудел, пропитанный старым звуком.

Когда звон утих и наступил новый день, Найт почувствовала, как под пальцами выпуклое число «сто семьдесят три» сменилось на «сто семьдесят два».

Девушка до крови прикусила губу. Не плакать. Она сильная. Все нормально. Мимо меня, мимо меня, мимо меня. Надо просто не думать об этом. Вообще.

А если от мыслей никак не избавиться, то можно рассуждать рационально: вообще все в этом мире в одинаково проклятой ситуации – просто ей придется... ускориться.

Найт глянула на бархатную темноту вокруг: академия уже уснула. Нет, прыгать отсюда, конечно, не надо. Напротив, надо жить на полную катушку. Наслаждаться.

Вариантов нет. Рыжий неправ: никакой надежды. Зимой Ладислава «растворится, обратившись морской пеной», – именно так гласила бирка в сундуке с описанием проклятья. Да, прах побери, там была пеплова бирка внутри! Жмыхова бюрократия смерти!..

Так что сейчас надо взять от жизни максимум. Все успеть. Как она и сказала Фрэнсису: приехать на далекий, загадочный остров, где никто и не подозревает, что она живой труп; дружить, влюбляться, учиться, прыгать со скал и долго нежиться в ванне, смеяться и плакать, делать открытия, нарушать правила, бегать, радоваться, создавать что-то новое... И главное – не думать о конце.

Ладислава аккуратно вычеркнула в блокноте пункт про «ночь на крыше». Несколько раз подряд улыбнулась, старательно контролируя выражение лица между улыбками (никаких больше грустных скобок!), и направилась обратно в Хромую башню.

Время жить – сейчас.

* * *

Она шла в спальню, мысленно перебирая приятные события дня, выводя себя в Веселую Ладиславу, и вдруг встала как вкопанная.

Погодите!

А когда, собственно, Берти Голден-Халла успел изучить ее мимику и улыбки, узнать об образе бравой девчушки? В Великой Трапезной Найт совсем не улыбалась: не до того было при взрыве зеркала.

И почему телескоп детектива – Лади поняла это только сейчас – был направлен не в небо, а в сторону пляжа? Рыжий мастер следил за студентами на берегу? Зачем?

– Да в этой д’гарровой академии загадки растут как на дрожжах! – пробормотала Найт, укладываясь спать.

И только Тисса солидарно, как-то аристократично всхрапнула с соседней кровати.

7. Круг замкнулся

Целеустремленный, талантливый, блестящий ученый. Есть некоторые признаки социопатии. Из личной характеристики доктора Моргана Гарвуса, данной в Башне Магов, Шолохе, Лесном королевстве

Первой лекцией в понедельник значились Тайны Магического Мира. ТММ.

Морган Гарвус нещадно опаздывал. А студенты – нещадно зевали, растекаясь амебами по длинным столам амфитеатра. В окна проливался золотой свет.

– Уже совсем осенний... – вздыхали девочки, но Ладислава, хоть убей, не видела разницы с прежним освещением. Зато в который раз осознала всю мощь календарей – вот уж настоящие тираны мысли!

Лекция была вводная, общая для всех курсов, потому что такой предмет, как ТММ, на Этерне давно отсутствовал. Предыдущий ректор академии – магистр Фоскаш – возглавлял когда-то эту кафедру. Но потом он с головой ушел в администрирование, и ТММ закрыли.

– За ненадобностью. Ибо дисциплина – шлак, – доверительно шепнул Ладиславе ее однокурсник Хлодерик Роу, больше похожий на медведя, чем на человека.

За десять дней с начала учебного года Найт успела познакомиться со всеми своими однокурсниками и пришла к вы-

воду, что они очень даже ничего и им комфортно общаться друг с другом, хотя она и старше их на три года.

Хлодерик был сыном рыбаков: мощным, загорелым, носатым, и от него все время пахло морем. Как говорил сам Роу, побережье воспитывало его наравне с родителями, и на груди адепт всегда носил маленький оберег в виде штурвала.

– Если дисциплина плохая, то зачем возвращать ее в программу? – засомневалась Найт.

– Так ради Моргана! – крупногабаритный первокурсник пожал плечами. – Это... Как объяснить-то... Вот есть страна – Кнассия, и все знают, что она бедная, и валюта там слабая. Но если предложить тебе миллион кнассских тарбриков, ты все равно возьмешь их с огромным удовольствием. Морган Гарвус – как этот миллион. Дисциплина отстойная, цифра достойная. Раз уж он готов преподавать в Буре, глупо не воспользоваться.

Круглолицая Хейли Хани – два карих глаза, две косички, платье, сразу видно, что будет отличницей – оторвалась от письма домой и чинно присоединилась к беседе:

– Доктор Морган так хорош, что мог стать звездой в любой сфере! Но он выбрал наименее перспективную и застрял в ней намертво. Достиг потолка и все, дальше некуда. Пойди он по иллюзиям или боевке – давно бы работал при дворе. А так... Лучший среди худших, – она тяжело вздохнула.

Морган ей нравился, пусть и неперспективный. Сердцу не прикажешь.

С заднего ряда к ним неожиданно перевесилась Красотка Дита:

– Нет, ну согласитесь, Морган – молодец. – Она надула алые губки, не переставая жевать смоляную жвачку. – Он учился и преподавал в самом Шолохе... Это ли не уровень?

Хлодери́к с видимым трудом отвел глаза от декольте Красотки.

– Однако! – возразил он. – Сейчас Морган тут, в нашей Буре-дыре. Значит, не так хорошо у него шли дела в магическом королевстве? Значит, по-любому вытурили? А?

– Или леди-ректор нашла, чем заинтересовать его здесь, – уверенно возразила Дита.

Ибо Красотка была из тех экзотических бабочек, чей котелок варит. А что пестро раскрашен – так почему бы и нет? Встречают-то по обложке.

Ладислава не выдержала, обернулась: как там Фрэнсис?

Студентов попросили рассестся по старшинству курсов, поэтому Лади оказалась оторвана от близнецов, устроившихся, как два черных грача, на самой галерке.

Тисса читала что-то вроде молебного сборника богу Рэн-дому – покровителю телепатии и удачи. Странно, зачем так рано, до экзаменов еще вроде долго? Хотя она вообще странная, эта Тисса...

Фрэнсис спал, положив голову на скрещенные руки. В эти первые недели сентября учеба, едва начавшаяся (и то некоторые предметы вступали в оркестр позже – то же Наследие

Этерны или Сыскное Дело), уже оказалась очень напряженной. Новичкам в академии действительно предстояло постараться, чтобы освоиться тут. Как минимум запомнить все тайные ходы и лесенки учебных корпусов. Ладислава и Фрэнсис успевали нормально общаться только за завтраком, в компании Тиссы, после чего жесткое расписание разносило их по разным сторонам исследовательской деятельности.

А по вечерам у Фрэнсиса были настолько поздние спецкурсы с Морганом, что он возвращался в Хромую башню уже после того, как непривычная к колдовству Найт засыпала.

Из-за этого запланированное на пляже совместное распитие кофе проходило в режиме скоростного опрокидывания стаканчиков. Хлоп-хлоп-до-свидания! *Мы с тобой кофеголики, да? Кофепсихи.*

Впрочем, они все равно потихоньку узнавали друг друга – и узнавание это было до пепла приятным.

– В пятницу, – успел вчера шепнуть близнец Ладиславе, столкнувшись с ней в одном из коридоров. – Давай поужинаем в пятницу? Но здесь, прямо в академии. Я все органирую и зайду за тобой на закате.

– Я буду рада, – улыбнулась Найт, а единорог на стенном гобелене явственно закатил глаза. Он ненавидел студенческую романтику.

Вдруг – хлопок – и крошечная темнота поглотила аудиторию, выделенную под ТММ.

Окна просто потухли. Как будто ластиком за ними стер-

ли мир: и изнанка его, странное дело, оказалась не белой, а черной как смола, лишаящая предметы очертаний.

Студенты умолкли разом, как отрезало. Мимо ряда первокурсников прошелестели шаги. Хрипло каркнул ворон. По аудитории разнесся голос Моргана Гарвуса. Медленный, низкий и холодно-равнодушный.

– Когда-то, – сказал невидимый Гарвус. – Мир для нас был именно таков: темен, безразличен, безотзывчив. Наши предки встали перед выбором: смириться со своей пустотой, нырнуть из тьмы во тьму – беспроблемно и бессмысленно, – или рискнуть и стать исследователями. Сделать шаг вправо, влево, миллион раз ошибиться и на миллион первый – преуспеть в познании. Зажечь огонь и всмотреться в свет.

Доктор Морган щелкнул пальцами, и у него перед лицом мгновенно зажглась маг-сфера. Найт улыбнулась: вспомнились детские лагеря в Саусборне, где дети с фонариками рассказывали друг другу страшилки.

Лицо у Моргана было правильное, мужественное. Высокий лоб, гордый нос, густые темные брови и светлые волосы, дотошно зачесанные назад, – аристократичный контраст. Горло серого свитера без рукавов доходило до самого подбородка, а алые браслеты были как раны на запястьях.

Морган оперся спиной на кафедру, поигрывая светом в руках. Ворон его, мелко стуча когтями, стал ходить по столу – туда и сюда, заунывно.

– Существует много теорий о смысле жизни, – продолжал

профессор. – Ни одна из них, увы, не истинна. Можно только сделать свой личный выбор. Я голосую за познание: процесс, который имеет очевидную цель – развеять мрак невежества. Поэтому я занимаюсь ТММ. Хотя многим моя дисциплина ненавистна. И вот почему: в нашем обществе тайны принято романтизировать. Секреты, загадки, флер недосказанности... Большинство людей лелеет подспудное желание, чтобы миф оставался мифом: ведь так интереснее. Для них сладкое пространство фантазии, прикрытое вуалью намеков, куда притягательнее голых фактов. Этим пользуются в борделях, книжных лавках и при дворе. Но презируют в науке. Поэтому если вы пришли сюда за подкреплением своих заблуждений – до свидания. Встаньте и уйдите прямо сейчас. Мы не поладим. Я жду.

В аудитории заволновались, зашептались, задвигались и затопали.

Морган усмехнулся уголком рта. Потом вскинул брови:
– Это было первое предупреждение. Второе – наш с вами курс строго теоретический. Никакой полевой работы, одни лишь книги, книги, книги. Не нравится? Вы все еще вольны уйти, поздравляю.

Шебуршание стало заметно громче, как и шаги, скрипнула дверь.

Гарвус выждал около минуты, а когда все опять стихло, кивнул и заговорил уже не так высокопарно:

– Итак, давайте обсудим этапы работы мастера тайн...

Оставшиеся – записывайте.

Он щелкнул пальцами; включился свет.

Тотчас выяснилось, что, несмотря на шорохи, не ушел никто: все, напротив, заинтригованно переползли на ряды поближе, а из коридора в зал нырнула любопытная служаночка-уютница.

Поняв это, Морган Гарвус озадаченно моргнул. А потом очень, очень разочарованно поджал губы.

Найт хихикнула.

* * *

К концу лекции Ладислава наконец-то поняла, чем именно занимаются пресловутые мастера тайн.

По сути, они ищут повторяющиеся упоминания явлений, тварей и вещей, о которых нет достоверной информации. Сравнивают свидетельства, анализируют, потом пытаются отыскать сами объекты. Если вдруг находят, то начинают рьяно их исследовать: так подробно, чтоб впоследствии больше никто не назвал эту штуку «тайной». Чтобы узнать о ней Все И Даже Больше. Вписать в систему, вставить, как элемент пазла, в подходящее место в мире: «Все, что мы называем хаосом – на самом деле тоже порядок, но нам пока не хватает сил его осознать».

– И учтите! – говорил Морган Гарвус. – Мы работаем с объектом так, чтобы после нашего исследования он остался

ровно в том виде, в каком был изначально. Мы стремимся изучать его в естественной среде, и только если это невозможно – изолируем объект. Или его элемент, если сам объект слишком велик. Системность! Нам обязательно нужен системный подход!

Также в ходе занятия доктор Морган еще дважды настойчиво предложил не стесняться и при малейшем сомнении отказаться от изучения его предмета.

Очень мило.

Сначала Ладислава думала, что это – некий преподавательский флирт, рассчитанный на обратный эффект, на чудо реверсивной психологии. Но потом убедилась, что Гарвусу действительно не очень-то и хочется возиться с адептами.

Кажется, леди-ректор приманила знаменитого ученого в Бурю чем-то другим, а отнюдь не возможностью прыгать за кафедрой, просвещая юные умы.

Большую часть занятия Найт наблюдала за вороном Гарвуса. Тот времени не терял: с помощью лапок и клюва хватал бумажки из высокой стопки и все складывал их в какие-то... птички, что ли. Очень быстро, по две штуки в минуту.

Ворон-творец, создающий себе подобных. Демиург – весь в перышках. Конвейер животворящий...

– К следующему занятию попрошу вас ознакомиться с литературой по списку, – наконец кивнул Морган.

Он резко вывернул кисти в заклинании призыва. Тотчас

несколько десятков кривокрылых птах ожили, сменив форму на куда более плавную, и, вразнобой щебеча, сначала армией взмыли ввысь, а потом спикировали на студентов верещаще-волшебным дождем.

Кое-кто суетливо метнулся под парты.

– Кар-р-р! – величественно сказал ворон с кафедры и махнул крылом: летите, дети мои, и будьте счастливы.

– Это ж волшебные письма-ташени прямиком из Лесного королевства! Ва-а-а! – бурно радовалась Хейли Хани справа от Ладиславы.

– Позер... – сквозь зубы процедил Хлодерик. У него, простого рыбака, желающего стать целителем, щеголь-космополит Морган явно не вызывал теплых чувств.

А Найт смеялась, глядя на то, как синяя птичка – размером в полкулака, не больше, – прыгает у нее на коленях, чирикая и настойчиво требуя ласки. Лади кончиком ногтя почесала ей клюв – и та, благодарно щебетнув напоследок, вдруг снова застыла и с хрустом раскрылась в список литературы.

«Не все загадки хороши: правила выживания».

«Этика тайны: когда нужно остановиться».

«Ошибаться – это нормально».

«Мигрень или маг-истощение? Учимся рассчитывать свои силы».

Ладислава запихнула список в сумку. Она терпеливо подождала, пока большинство студентов уйдет, и пошла напря-

мую к Моргану.

Недавний ночной разговор с рыжим мастером Берти Голден-Халлой никак не шел у нее из головы. «Надежда есть всегда». Ох уж эта фраза...

Найт размышляла о ней несколько дней, перекатывала на языке, волновалась всякий раз, как видела сыщика в коридорах Бури, и вдруг поняла, что не может ее отпустить. Что хочет еще раз попробовать... Разочек. Быстро. Убедиться – сыщик неправ, и потом снова жить спокойно.

Спокойно... Ага.

– Профессор, можно вопрос?

Морган Гарвус сидел с книгой прямо на кафедральном столе. Отросшие волосы падали ему на лоб, и все тот же якобы осенний луч солнца шарил по лицу преподавателя, высвечивая то один глаз, то другой, – кажется, шумящая от ветра листва за окном была причиной такой подвижности света.

Доктор Морган поморщился, услышав, что к нему обращаются. А потом все же кивнул, пусть и не отрываясь от чтения:

– Ну?

– Вы можете прокомментировать такую вещь, как неснимаемые проклятия? Существуют ли исследования этой тайны?

– Это не тайна.

– М-м. Значит, современная магия уже умеет их отменять?

Морган с видимой неохотой поднял голову от книги. «Демонологикон. Мифы» – гласила потрепанная обложка.

– Неснимаемые проклятия не являются тайной не потому, что никто не знает, как их снять, а потому что все знают, что снять их нельзя, – равнодушно проговорил он.

Ладислава физически почувствовала, как в груди надорвалась ниточка надежды – незванная ниточка, а потому особенно больно лопнувшая.

Морган Гарвус холодно посмотрел на адептку:

– Я рекомендую вам направиться с вашим вопросом на зельеварение. Проклятия – это туда.

– Спасибо, – как можно безразличней, в тон ему бросила Ладислава и, отвернувшись, пошла прочь.

У края длинной кафедры стоял Фрэнсис.

– Привет. Еще один скоростной кофе, м? – улыбнулась ему Найт, подходя.

Фрэнсис улыбнулся в ответ, но тотчас покачал головой:

– Не могу, у меня спецкурс с Морганом.

– Удачи, – пожелала Лади и еще раз обернулась на мрачного доктора.

Тот внимательно смотрел на них, качая ногой, переброшенной через вторую. Книга захлопнута. В бледно-зеленых глазах Гарвуса, направленных на близнеца, плескался неожиданно-хищный интерес... А Фрэнсис, напротив, с тоской поглядывал в сторону высоких арочных окон, за которыми шумел дубами, звенел смехом адептов и покрикивал

чайками-путешественницами сад академии.

– Фрэнсис, давайте уже начнем, – Морган побарабанил по часам. – Лениость... Это грешно, не правда ли?

– Истинно так, мастер Морган, – процедил близнец сквозь зубы и, быстро чмокнув Ладиславу в щеку («*О! Прогресс!*»), пошел к наставнику.

На пороге амфитеатра-аудитории Лади снова оглянулась. Фрэнсис сидел на стуле перед кафедрой, и вся его спина была видимо напряжена. Морган, что-то тихо рассказывая, достал из сумки зеркало на ручке...

И Лади уже хотела остаться, подглядеть, но – ворон пронзительно каркнул. Гарвус тотчас увидел девушку и щелкнул пальцами. Двери перед Ладиславой с грохотом, по заклинанию, захлопнулись.

«Уж не на тебя ли, Фрэнсис, приманила доктора леди-ректор?..» – содрогнулась Ладислава, ощупывая нос, едва оставшийся при ней. – «Пустошные демоны, да кто ж ты такой?»

* * *

Леди-ректор вела зельеварение наверху Пугливой башенки, в бывшей голубятне.

Придя туда первый раз, Ладислава с удивлением узрела в центре чердака колонну – такую же шестиугольную и древнюю, как была в библиотеке.

– Не такую же, а ту же самую. Это единая колонна, она

проходит сквозь Бурю, как хребет, – объяснил ей Стэн Хлестовски.

А сегодня до начала пары со всем первым курсом случился казус.

Казус назывался «птица иррин».

Сие волшебное создание – коренной обитатель острова, наравне с грызгенами, – принадлежал Элайяне. Хотя, спроси кто саму птицу иррин, она бы сказала «Ри-гра-квахтэш!» – что значит: «Да не будет власти одной души над другой».

Именно птица иррин встретила адептов в голубятне. Она стояла среди ученических котлов, как среди хороводящих танцоров, и была диковинно хороша: нечто среднее между пустынным страусом и совой. меховая груша размером с овцу, на длинных и тонких ножках, с черно-белым пухом, обворожительными ресницами и...

– Что она делает?! – хором ахнули первокурсники, когда иррин при их виде начала стремительно раздуваться в шар.

...И с великолепным голосом, завораживающим и гипнотизирующим всех, кто взглянул в глаза иррин в момент ее пения.

– Приплыли, – вздохнула леди-ректор, которая пришла на урок дотошно-пунктуально, со звуком гонга, и встретила два десятка пускающих слюни адептов.

Эльфийка отвесила птице непочтительный подзатыльник, та поперхнулась и умолкла. Студенты очухались и расселись по местам. Птица, расстроенная тем, что ее не оценили,

ушла в угол класса и долго стояла там, клювом в стену, периодически обиженно раздуваясь и сдуваясь... Лади подумала, что, если бы она увидела такую штуку в темноте, то умерла бы на месте от разрыва сердца.

Впрочем, у иррин оказался дивный нюх на зелья. И незлобивая память. Именно поэтому Элайяна приглашала птицу на практические занятия. Когда студенты ошибались – а ошибались они куда чаще, чем преуспевали, – она совсем по-человечески вздыхала, подходила и продолжала томно вздыхать у студента над ухом, страшно нервируя его и намекая леди-ректору, что тут, дескать, проблемка.

Так и помогала хозяйке.

Когда чей-то котел взорвался кислотно-желтым дымом, а вслед за ним – сразу второй, Элайяна цокнула языком:

– Если вы хотите быть богатыми – учитесь у богачей. Хотите быть здоровыми – учитесь у здоровых. Хотите получать пятерки – учитесь у отличников.

– Э-э-э, – непонимающе протянули адепты, чуя подвох.

Эльфийка усмехнулась:

– Я к тому, что я не против того, чтобы вы подглядывали в котлы друг другу. Но смотрите, как работают те, кого я хвалю – а не абы куда! И повторяйте за отличниками точь-в-точь. Ну или отрежьте от них кусочек и съешьте – в надежде приобрести знания автоматически.

Адепты расхихикались.

Элайяна удивленно вздернула бровь:

– А чего это вы веселитесь? Я как зельевар во многом согласна с таким подходом. Конечно, он простоват, но... Зачастую отражает реальность. Для многих зелий мы преобразуем ногти, когти, волосы волшебных тварей, надеясь получить часть их способностей. Для самых сильных – сердца. Это правда. И это работает. Так что, отличники, берегитесь, – подмигнула она.

После пары Ладислава подошла к эльфийке.

– Госпожа леди-ректор магистр Элайяна... – на выдохе сказала Найт (та благосклонно выслушала все причитающиеся обращения, а иррин, собственной мочалистой башкой моющая котлы, ехидно кудахтнула). – Вы можете рассказать мне о снятии неснимаемых проклятий?

Элайяна не могла.

– Неснимаемые они и есть неснимаемые, – она пожала острыми плечами. – Варятся такими. На сегодняшний день – это гарантированное убийство, как на гномью мину наступить. Если хочешь, уточни на боевой кафедре. Может, они и придумали оборону. Но вряд ли – я бы об этом знала. К чему вообще такие вопросы?

– Просто так...

– У всех тут все «просто так», и именно поэтому мы никак не войдем в список лучших мировых академий, и поэтому экспертов я зазываю годами, и поэтому, когда я приезжаю в столицу, никто не видит во мне магистра – помнят только про д'гарровый эльфийский отбор... – проворчала Элайяна.

Ладислава ушла.

– Хм. Неснимаемые проклятия!.. А ведь они тоже наверняка попадают в список, – оставшись одна, задумчиво про-
бормотала ректор и что-то быстро черкнула в блокнот.

* * *

После зелий Лади потопала в противоположный угол академии: в древнюю полуразрушенную и полуподвальную пристройку, где тренировали боевую магию. Проходя меж распахнутых дверей Мечтательной Аудитории, девушка углядела за ними Берти Голден-Халлу.

Рыжий сыщик устроился на подоконнике. За спиной у него был восхитительный бирюзовый витраж – море, сплошное море, – подсвечивающий его и без того яркие волосы.

Сыскное Дело у новичков должно было начаться только в пятницу, а вот старшие adeпты уже вовсю размахивали лупами и сборниками задач на логику.

Найт им завидовала.

Сейчас Берти сидел в позе шамана-рассказчика, а перед ним прямо на полу лежала толпа второкурсников (кулаки под щеками, пятки болтаются безрассудно). Стулья были сдвинуты к стенам, неприглашенные. Берти что-то упоенно вещал, энергично размахивая лупой, и adeпты покатывались со смеху. Непонятно было, урок это или перемена.

Ладислава очень медленно прошла мимо дверного про-

ема.

Эдак задумчиво, статно, держа уголки губ вверх, думая, что сейчас Берти наверняка увидит ее и отмочит что-нибудь, уже готовая ответить крайне остроумно, тон в тон...

Но Берти ничего не сказал. Он вообще ее не заметил. Нет, он и не должен был, конечно. Человек занят.

А все же...

Ладислава нахмурилась: может, так же пройти обратно, еще помедленнее?... Кашлянуть, м?..

И тотчас ужаснулась – *это вообще откуда такое лезет, Найт?! –* и уже бегом рванула на боевку.

Д'гарр, придумается еще.

Магистр Шильд'эс на своих занятиях не терял времени даром: он с первого дня обучал студентов простым, но эффективным заклятиям. Сегодня в программе были воспламеняющиеся пульсары.

Ладислава радовалась: после полутора часов в позе старухи за котлом было приятно побегать и поубивать специальные самовосстанавливающиеся чучела. К концу занятия маг-браслет девушки совсем истощился.

– На, съешь. А то потухший браслет оставит раны на запястьях и вызовет у тебя ужасную мигрень, – поджарый магистр Шильд'эс, урожденный шэрхен (синие волосы, серая кожа, острый нос и угловатое обаяние), сунул ей зеленую таблетку.

Ладислава замялась, ибо Шильд'эс пах мхом и грибами и

не внушал доверия. Но потом все же сжевала тонизирующую дрянь.

– Магистр, а боевые маги умеют снимать неснимаемые проклятия?

Конечно, нет. Конечно, это к знахарям.

И у знахарей, конечно, успеха не случилось. Общаться с мастером-целителем вообще было сложно: он обустроил свой класс в Колокольной башне, прямо под звонницей, четырежды в день слушал колокола и мальчика оглох.

Хотя, может, виной тому была старость: профессору Ранкинсу стукнула сотня в прошлом году. Праздновали всей Этерной.

– Нет, госпожа Найт, это не ко мне, – старик покачал белоснежной головой. – Вы знаете, вы сходите к этому мальчику... Ох... Как же его... Ну, есть у нас такой один хоро-о-о-ошенький преподаватель...

– Голден-Халла? – мгновенно сообразила Лади.

– Нет-нет, там фамилия такая... Г... Г...

Ладислава очень боялась, что профессор не доживет до конца разговора.

– Г...

– Хорошенький и на «Г» – да точно ведь Голден-Халла? – нахмурилась она. Другие ей в голову не шли. Найт повторила погромче:

– ГОЛ-ДЕН-ХАЛ-ЛА!

– Нет-нет... – скрипел профессор, поводя бровями. –

А! Гарвус, вот! Морган Гарвус – сходите к нему.
Ладислава вздохнула. Круг замкнулся.
Что и требовалось доказать...

8. Ночной разговор

«Ноа, если хочешь, отправь детишек ко мне. Я не разбираюсь в магии, но помогу им пережить эту боль. И у меня тут много замечательных колдунов вокруг». «Я не отправлю детей к вам и вашим чащобным грешникам. Ваш образ жизни порочит нашу фамилию».

Из частной переписки

К вечеру очередного дня Ладислава была выжата как лимон. Зевая, она добрела до спальни, с трудом стащила с ног тяжелые ботинки, заползла на высокую кровать и мгновенно вырубилась.

Близнецы пришли вскоре после этого, вдвоем, причем Фрэнсис, спотыкавшийся на каждом шагу, практически висел на плече сестры. Он сразу же упал на стул, согнулся пополам и со стоном обхватил голову руками.

– Сегодня тоже болит? – спросила Тисса.

– Раскалывается. В прямом смысле. Как только Морган потянулся к *нему*, он...

– Фрэнс! – зашипела Тис, вдруг увидевшая Ладиславу, лежащую как бревно лицом вниз и не шевелящуюся вовсе.

Близнец – всклокоченный, бледный, ошалевший от боли – поднял голову и быстро сплел простенький блок от подслушивания.

Вокруг Ладиславы возник переливающийся пузырь, будто мыльный. Отрезанная от звуков внешнего мира, Найт засохла еще безмятежнее.

– Так вот, – с трудом продолжил парень. Язык все еще плохо слушался. – Едва Морган потянулся к нему, как он начал беситься. Причем куда сильнее, чем раньше, когда был просто голоден. Доктор Гарвус говорит, что потратил на пристрелочное изгнание всего пятнадцать минут, но мне они показались вечностью. Так что, считай, я раскрыл секрет бесконечной жизни, вернее, ее иллюзии: это пытки, – близнец горько усмехнулся.

Все кости до сих пор, казалось, вывернуты наизнанку.

Сегодня был первый день, когда их спецкурс с Морганом перешел из теоретической фазы в практическую. Фрэнсис с самого начала знал, что будет непросто, но что *настолько*... Близнец сглотнул. Во рту все еще была кровь.

– Если само изгнание было таким коротким, то... Что же вы делаете в остальное время? Ты там весь день провел, – нахмурившись, протянула Тисса.

Фрэнсис взял из ее рук обезболивающий эликсир, жадно выпил.

– После пыток Гарвус сказал: «Разреши ему». И я сменил ипостась. Там была пентаграмма, и демон бился в ней, как прахов псих. Морган подготовил ему мяса, но тот проигнорировал, только все пытался дотянуться до доктора, шпаря себя и меня о защиту. А Гарвус сидел в углу и делал свои дол-

банные заметки. Потом он ушел, и демон буянил еще несколько часов, прежде чем устать, поест и дать мне вернуться. Собственно, вот и все.

Фрэнсис вздохнул и закрыл глаза. Они странно горели, как при высокой температуре. На изнанке век все до сих пор светилось золотым. Руки тряслись. Демон внутри – уставший, но не смирившийся, – глухо ревел, колотясь о грудную клетку.

– Короче, Морган посмотрел на это дело и вывел: мы правы, это демон. То, что я разрешал ему охоту в море, кажется доктору Гарвусу ошибкой. Теперь никаких договоров. Только борьба. Подавление. И голые ужины кровавым мясом в пентаграмме, – Фрэнсиса невольно передернуло. – Дипломатия кончилась, толком не начавшись; сразу война.

Тисса пожала плечами:

– Ну я бы не сказала, что это сюрприз... Ведь все считают, что так правильно, разве нет?

– «Все» – это ты и отец? – вскинулся юноша, и Тисса отшатнулась, когда в глазах брата полыхнул золотой огонь.

Близняшка гордо выпрямила спину:

– Фрэнсис! Дипломатия была бы слабостью. Ведь демон – темная сущность, и от него надо избавиться как можно скорее. Вдруг он окрепнет? Вдруг однажды не только ты увидишь его в зеркале, но и все мы? Ты представь, какой будет скандал! Сын Его Высокопреосвященства Архиепископа Саусберийского – демон!.. Папочка никогда не отмоеся!

– Тисса, ты себя слышишь?! – прошипел Фрэнсис. – У меня внутри живет монстр, чье существование даже доказано прежде не было, а тебя волнует авторитет отца? Seriously? Его долбаный статус? Вот это здесь самое главное?

– Твои речи, Фрэнсис, как всегда, возмутительно...

– Скажешь «грешны» – я тебя убью, – прорычал брюнет. Тисса побледнела.

– Видишь?.. – ахнула она. – Он захватывает твои мысли!

– Тисса, это оборот речи.

– Нет! Это знак! Фрэнсис, я тебя очень прошу – слушай доктора Моргана!

– Он сам признает, что наш спецкурс – это чистый эксперимент, что раньше он встречал демонов только в ругательствах. Более того, он мастер тайн, а не мастер изгнаний! Он понятия не имеет, что со мной делать, я для него – лишь досадная помеха, оболочка, мешающая изучить интересный образец. Все эти дни он на меня чуть ли не облизывался, так хотел практику! А перед парами читал «Демонологикон», чтоб подготовить формулу изгнания. Популярную энциклопедию, Тисса!..

– Ну и что? Подготовил же! Если не верить ему, то кому?

– Себе, Тис. Себе надо верить.

Они помолчали. Фрэнсис застонал, сжимая виски.

Демон внутри опять ревел, раскручиваясь, как спираль.

– Мне кажется, прежде чем ехать сюда и соглашаться на пытки, нужно было попробовать найти с ним компромисс, –

пробормотал Фрэнсис.

– С кем? С демоном?! – ужаснулась Тисса.

– Все эти дни, когда я отпускал его на море, он был достаточно спокоен.

– О боги! Фрэнсис! Это же лукавая, злая тварь! Скольких он убил – ты вдумайся! Ни за что! Он просто пудрит тебе мозги! Наверное, ты забыл, *сколько там было крови!* Тот день... – она запнулась. – Тот клуб... Он до сих пор снится мне в кошмарах, и, даже проснувшись, я не могу забыть их крики. Ты правда хочешь устроить подобное в академии?! – голос девушки замер меж гневом и страхом.

Фрэнсис вздрогнул.

– Ты права, – тихо пробормотал и провел руками по лицу, будто умылся. – Кажется, я действительно забыл.

Тисса какое-то время буравила его мрачным взглядом. Потом вздохнула. Лицо ее резко осунулось и смягчилось.

Она опустила на корточки рядом с братом:

– Прости меня...

– Не надо.

– Фрэнсис, миленький, солнышко мое, душа моя, ну, пожалуйста, прости... – она кусала губы, глядя его коленку. – Ну как я могу получить твое прощение? Ну что мне сделать?

– Тис, все нормально. Хватит плакать. Ты не виновата.

– Виновата, виновата...

– Небо голубое, да успокойся уже. Ты, главное, сама себя прости. Боюсь, твоя проблема именно в этом.

Близняшка вспыхнула, услышав эти слова.

– Гули-гули... – вдруг невнятно пробормотала Ладислава на кровати. – Гули-гули-голден-гули... – и, перевернувшись на спину (пузырь поплыл за ней), блаженно улыбнулась.

Тисса взволнованно оглянулась на соседку:

– Как думаешь, то, что ее подселили к нам – это и впрямь удачная случайность, знак богов? Или она все-таки шпионка? Газетчица? И ее послали затем, чтобы раскрыть твоё состояние и тем самым надавить на отца и церковь?

«Раньше думать надо было», – мысленно вздохнул Фрэнсис.

Но вслух сказал:

– Я сразу же предупредил леди-ректора, что мы тут теперь не одни. Она вызвала к себе мастера Голден-Халлу и попросила его присмотреть за девушкой. Если с Лади что-то не так и это касается нас, мы узнаем.

– А Голден-Халла что, тоже в курсе нашей ситуации? Он же еретик... – протянула близняшка.

Ибо она, в отличие от студентов с пляжа, слышала, почему рыжий Берти в том году внезапно приехал преподавать в Академию Бурю. И не одобряла.

– Нет, не в курсе. Элайяна и сыщик слишком близкие друзья, чтобы он оспаривал её право молчать о деталях.

Обезболивающий эликсир наконец подействовал.

Фрэнсис поднялся, подошел к окну и, не глядя на скалящегося демона в стекле, распахнул створки. В комнату во-

рвалась ночная прохлада, смешанная с запахом соли, еловой хвои и далекого костра.

Потом близнец подошел к постели Найт. И, прежде чем деактивировать сферу, он наклонил голову, любуясь спящей девушкой.

– Она тебе нравится? – Тисса уже не в первый раз замечала во взгляде брата какую-то странную мягкость.

– А что? – он поджал губы.

Тисса знала: это «да».

– Это наверняка плохо скажется на твоём здоровье! – нахмурилась близняшка. – Ты нестабилен из-за демона. Обязательно предупреди Моргана Гарвуса, если у тебя наметятся какие-либо, кхм, романтические, а точнее, сексу...

– Тисса! Ты издеваешься, что ли?!

– Мало ли как демон среагирует на новые для него аспекты твоей физиологии? Не время влюбляться. И не время стесняться: если что, ты скажи Гарвусу, а я напишу отцу, – якобы «по-врачебному» увещевала Тисса.

– Тис, – прорычал Фрэнсис. – Давай просто сделаем вид, что ты этого не предлагала?

– Давай ты не будешь гулять с Ладиславой? Так надежнее.

– А давай ты не будешь лезть с такими советами? Спокойной ночи.

– Так ты обещаешь не встречаться с ней?

– Да прекрати уже!

Когда Фрэнсис ушел, Тисса мрачно достала из стола пред-

меты для письма, забралась на подоконник и стала сочинять весточку отцу.

Фрэнсис против этого? Ну и ладно. Даже лучше, если Тис возьмет все под свой контроль. Может, хоть так отец увидит, что она тоже чего-то стоит. Способна на правильные решения. Старается все исправить. Берет ответственность на себя. Борется.

Эх, отец, отец...

Она встречалась с Ноа де Винтервиллем так редко! Близнецы росли в столице, отданные на воспитание во дворец, ведь священным чинам в Асерине разрешались дети, но не разрешалась трата времени на оных.

Тисса знала, что их с Фрэнсисом мать умерла, когда им не исполнилось и года. Она не помнила о ней ничего, хотя иногда в мыслях старательно пыталась вызвать облик теплых материнских рук, которые наверняка обнимали ее, и гладили по голове, и обещали защитить от всего на свете... Но мамы не стало, ее за считанные месяцы сожгла болезнь.

Еще у них с Фрэнсисом была бабушка – госпожа Пиония де Винтервилль, – но отец запрещал общаться с ней, считая ее и ее образ жизни грешным. «Это грешно» – вообще было фирменной фразочкой Ноа, визитной карточкой архиепископа и определенно предметом культа – ее даже писали на сувенирных кружках, продающихся возле дворца в Саусборне...

Впрочем, несмотря на запрет отца, в детстве близнецы все

равно проводили много времени с Пионией – она встречалась с ними тайком, называя это игрой и веля никому не рассказывать. Это она научила Тиссу варить липовый сбор и другие пленительные напитки, что позже выросло в интерес к зельеварению.

Но однажды отец узнал об общении близнецов и бабушки, и больше они не видели госпожу Пионию. А около трех лет назад Пиония и вовсе уехала из страны, сказав, что хочет путешествовать. Она так и не вернулась, оставшись жить в Лесном королевстве.

И сколько бы она ни приглашала близнецов приехать, они не делали этого. Фрэнсис хотел, но не успевал из-за активной учебы на Боевой кафедре, а Тисса...

Пожалуй, в какой-то момент Тисса тоже согласилась с тем, что Пиония – грешница. Слишком все у нее легко, слишком беззаботно. А еще у Пионии никогда не было мужа. И Тиссу волновало, что бабушка любит других людей как будто так же сильно, как и их с Фрэнсисом... Это немного расстраивало. Это было нечестно, так ведь?

Зато Тисса обожала папочку.

Увы, односторонне.

На сто процентов односторонне.

Тисса растопила сургуч в медной ложечке и запечатала только что написанное письмо. Утром она отдаст его разносчику, который отнесет послание в голубятню какой-нибудь из деревень. Девушка убрала конверт в карман и вздохнула,

глядя на красноватую, как воспаленную, горе-луну.

И вдруг... Над ночным садом поплыли звуки музыки. Кто-то играл на виолончели. Вдалеке. Играл великолепно. Сначала робко, а потом все шире и громче, раскрываясь, разрастаясь и сливаясь с хрустальной бесконечностью небес. Тисса замерла и не шевелилась до тех пор, пока невидимый музыкант не умолк.

Она долго еще сидела в ночи.

– Вот *это* точно знак на удачу... – пробормотала завороченная близняшка. Потом соскользнула с подоконника, подошла к кровати Ладиславы и туго переплела руки на груди. – А ты, похоже, наоборот.

9. Корпус загадок

Оборотничество – генетическая особенность, которая чаще всего проявляется у жителей Иджикаяна и Асерина. Оно нередко передается по наследству, но «заразиться» оборотничеством нельзя. Вопреки расхожему мнению, способность оборотня менять облик никак не связана с лунными циклами.

Энциклопедия «Доронах»

Тисса черным лебедем влетела в Великую Трапезную и с размаху плюхнулась на стул напротив брата.

В карманах ее вязаного кардигана гремели витые ложечки и алхимические щипцы. В котелке, брошенном на пол, зарождалась жизнь. Три других котла – с ингредиентами – тряслись и рычали под крышками.

– Как ты себя чувствуешь? – близняшка деловито потянулась ко лбу юноши – измерить температуру.

Фрэнсис, который встал ни свет ни заря (демон внутри выл лучше будильника) и теперь завтракал, обложенный учебниками по боевке (как талисманами: вдруг знания как-нибудь сами в голову просочатся?), привычно увернулся, оторвался от омлета и удивленно уставился на сестру:

– А где Ладислава?

Тисса закатила глаза.

Лади меж тем как раз зашла в Великую Трапезную. Она и не подозревала, что ночью ее разжаловали из статуса «амулет на удачу» в статус «непредвиденная неприятность». А потому пребывала в недоумении: почему Тисса с утра не перемолвилась с ней ни единым словом? Только убежала вперед, громыхая склянками, отворачивая нос. Что за жмыхня такая?

Ну ладно, спишем это на то, что завивка волос гусеницами слишком сильно перетянула ее бабку. Кислород не поступает, функции мозга отключаются, и первым делом пострадало дружелюбие.

Найт подобрала по дороге уползшего от Тиссы жука-аморфина, закинула его в котел близняшки.

– Не за что! – нарочито подмигнула Лади в ответ на молчание той.

Потом села за стол, плюхнув локти поверх скатерти, и они с Фрэнсисом оживленно зещебетали. Тисса глядела на девушку волчицей – как на лису, приставшую к ее волчонку, – но потом все же нехотя и с опаской включилась в беседу. А там и разговорилась кое-как.

Настроение у Лади пело и плясало, радужное. Она выпалась, пары на неделе предстояли сплошь интересные, соседи-близнецы и новоявленные друзья-однокурсники позволяли ей ни на минуту не оставаться одной – а значит, и не думать о плохом...

В трапезной царил мир и покой. Уютницы в белых фарту-

ках сновали меж столов со свежим кофе. Утро покачивалось на волнах солнца, и зал потихоньку заполнялся зевающими студентами всех мастей.

Преподаватели, как обычно, завтракали у себя.

Если адепты жили в Полуночном крыле, то мастера селились в коттеджах, разбросанных по территории замка. Так, домик Стэна Хлестовски был построен на дереве в Риторической Роще, старенький магистр Ранкин жил у пруда с ундинами («Так приятно смотреть на них по утрам, так бодряще»), госпожа Клыккер обитала над конюшней, а мастер Шильд'эс – на грибной поляне, в дружественном окружении мухоморов.

Моргана Гарвуса поселили поближе к Буре как важную особу: его белокаменный дом с пышными цветами на карнизах выходил прямо на Большой Фонтанный Двор.

Хотя если бы кто спросил самого Гарвуса, то мастер тайн предпочел бы жить на отшибе, а не вот так – когда мимо спальни круглыми сутками шляются студенты и часть из них (преимущественно женского пола) иногда стучит в окно, хихикает и убегает. А на запотевшем стекле остаются сердечки, подозрительно напоминающие ягодицы – рисовали быстро, волнительно...

В общем, ни войти, ни выйти незамеченным. Ну если только через черный ход для прислуги.

Тисса, Фрэнс и Лади болтали о том и о сем, когда зеркало-водопад раскрылось аркой и под своды трапезной взмыл

громкий и знакомый собачий лай.

Сердце Ладиславы дернулось.

Она обернулась. В зал стремительно вошел Берти. Золотистый пес вился вокруг длиннющих ног Голден-Халлы, и сыщик перешагивал через свою юлу-собаку, как цапля, высоко вскидывая острые колени.

– Хей, народ, всем доброе утро! – рыжий несколько раз громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание, и без того мгновенно слетевшее к нему на плечо, как голубка.

– Объявление первому курсу! Пятничный семинар по Сыскному Делу переносится! Нет, не спешите рыдать: не отменяется, а переносится, – уточнил он, заведя вытянувшиеся лица новичков. – Никаких пыльных аудиторий! Я буду ждать вас в пять пополудни у водопада Проклятых Душ. Возьмите купальные принадлежности, – подмигнул он.

Тут пес Голден-Халлы кинулся к ближайшему столику, выхватил там у Красотки Диты бумажную салфетку из рук и стрелой метнулся прочь из Трапезной, довольно урча.

– Ох! – вздохнул Берти. – Вам вернуть салфетку?

– Не надо, – удивилась Красотка.

– Хорошо. А то у пса нюх на необычности. Он предпочитает вырывать что-нибудь личное. Шпионский шифр, любовное письмо, дурные стихи. Итак: пятница, пять часов, водопады. Всем приятного аппетита и до встречи.

И такой же танцующей походкой, что-то насвистывая, утопив веснушчатые руки глубоко в карманах, Берти удалился.

– Я слышала, он творит прах-знает-что на своих парах, – Тисса неодобрительно нахмурилась. Ей не очень-то нравился детектив. – Ты идешь на сыск? – обратилась близняшка к Лади.

– Да! – горячо закивала та и машинально поправила волосы.

* * *

После завтрака ребята разбежались в разные стороны.

Морган Гарвус уже ждал Фрэнсиса, замерев темной фигурой в боковой арке.

– Морган, мы можем в пятницу закончить пораньше? – попросил Фрэнс, памятуя об ужине с Найт. – У меня там планы на вечер.

Доктор Гарвус вздернул бровь, презрительно скривил губы, но... Согласился.

– У меня тоже планы, – холодно сказал он, быстро идя по внешней замковой аркаде в сторону Старой Пыточной. Ворон парил у него над плечом. – Постарайтесь сейчас не умереть от разочарования, но: мой мир не вертится вокруг вас, Фрэнсис. Однако не будем забегать вперед. Сегодня нас ждут два способа изгнания: они описаны в кнасской сказке VI века, и, хотя толкование текста неоднозначно, а протагонист погибает в муках, думаю, попробовать стоит.

Фрэнсис вздохнул.

Тисса, обвешанная котелками и ретортами, как тяжело-груженный ослик старьевщика, отправилась на алхимию.

А Ладислава, одна-одинешенька, пошла на Наследие Этерны к Стэну Хлестовски.

Ночного человека Ладислава нашла в библиотеке. Стэн лихорадочно бегал между книжных стеллажей, выхватывал какие-то романы, листал их, плюхал на стойку и выбегал за следующим. «Что делать, что делать, что делать!» – бормотал Стэн, иногда срываясь на уханье.

Ладиславу он не увидел.

Девушка понаблюдала за ним несколько минут, после чего осторожно окликнула:

– Мастер Стэн?

– Батюшки! – охнул сторож-помощник-сова, обернувшись. – Уже пришла? Ишь какая... пунктуальная!

По виску у него сбежала капелька пота. Он, раскрасневшийся и несчастный, с откровенным ужасом смотрел на студентку, которая уже с готовностью сжимала в руках тетрадь для записей и перо.

– Э-э, – сказала Ладислава, осматриваясь. – А что мне делать? Сесть за кафедру? Или ты проводишь занятия где-то в другом месте? У нас же как бы лекция? Или что?

Стэн облизнул губы и яростно почесал затылок. Лади

склонила голову набок, не понимая. Стэн медленно выдохнул и пошевелил ушами.

– Я не знаю, – наконец буркнул он. – Я первый год преподаю. Я еще ни разу не вел ни одной пары. Я понятия не имею, что с тобой делать. У меня есть книги, – он обвел широким жестом полнейший бардак из самых разных учебников. – И у меня есть голова, – Стэн красноречиво постучал пальцем по виску. – На этом все.

– Ну, это неплохой комплект, – оптимистично оценила Лади. – С этим можно работать.

– Думаешь? – Стэн стеснительно улыбнулся, нахохлился и замер.

Его желтые глаза не мигая смотрели на Ладиславу. *Ну и как же с этим работать? Расскажи.*

Найт вздохнула. Кажется, беднягу надо подтолкнуть.

– Стэн, а ты можешь рассказать мне про остров? В любой форме? Ты же местный. Не надо научно, просто... Что-нибудь интересное. Что угодно.

– Это я могу! – обрадовался Стэн. – И даже показать могу!

И, неожиданно воспрянув духом, он схватил девушку за руку и потянул за собой.

* * *

Стэн и Лади покинули библиотеку через тайный ход внутри огромного глобуса – настроения ради.

Они наискось пересекли Фонтанный Двор, по которому обескураженно бродили пятна солнечного света – то ли отраженные от островерхой теплицы, то ли сбежавшие с практикума по стихиям. Потом Хлестовски обогнул дом Моргана Гарвуса (он называл его «пряничным») и ввинтился в не приметную арку замковой стены.

Снаружи текла река.

Они перебежали ее по горбату мосту, похожему на спину саламандры.

– Так-так, с чего бы начать... – Стэн по дороге оглядывался в поисках вдохновения.

На берегу загорала ундина. Рыбеха разлеглась на мелководье, шлепала хвостом по опорам и самозабвенно горланила брутальную моряцкую песню. На прикрытых глазах – ракушки, чтоб не светило солнце. Магов ундина не заметила, иначе б точно устыдилась всех потерянных нот.

И сохраненной лексики.

– Я придумал! Сейчас мы будем щупать, радоваться и познавать! – пообещал Хлестовски, потирая ладони.

– Что именно? – не поняла Найт.

– Анатомию!

– Эм. Стэ-э-э-н?

Скатившись вслед за бусинкой-Стэном с моста, Ладислава оказалась на опушке Риторической Рощи. Библиотекарь-птица молча поманил девушку под покровы леса.

Зеленая тишина встретила их, слегка оглушив свежестью

после нагретой равнины сада. Серебристые тополя с махровыми листьями будто пели, перебрасываясь репликами-шорохами: тише и громче, звонче, почти беззвучно и вдруг – возмущенно-пронзительно, когда непрошеным гостем ветер влетал под пушистую юбку крон.

Хлестовски вывел Лади на поляну, усеянную сине-фиолетовыми кристаллами: они росли из земли, похожие на клыки волшебного волка.

Там ночной человек замер. Как в пасти.

– Ты помнишь, ты спрашивала про морские отливы? Почему они случаются?

– Помню. Из-за излишков магии.

– Ага... Точнее, из-за того, что Этерна подбирает море, как подол, когда мы колдовством затапливаем землю. И ле-ди-ректор вас увещевала: не злите остров. А все почему? Потому что остров живой. Ну-ка подойди-ка!

По просьбе Стэна Ладислава приблизилась к одному из кристаллов и протянула руку. Еще не коснувшись друзы, она почувствовала легкое напряжение, силовую ауру. Маг-браслет на ее запястье тихо загудел, по нему пробежала искра.

– Что это? – удивилась Найт.

– Это зубы Этерны, – Стэн кивнул и мягко, как зверька, погладил синий кристалл. – Их много на острове. В академии тоже есть.

– Да, я видела!

Стэн свернул с поляны и, с треском продравшись сквозь

кусты рябины, вывел адептку на желтый холм, усыпанный радощетами.

— А вот это... — сторож-библиотекарь указал на вытянутое каменное плато, которое заросло багряным мхом и горкой скатывалось в пух леса под ними. — ...Это язык Этерны.

— И впрямь анатомия! — улыбнулась Найт.

И коснулась шершавого камня: *здравствуй*.

Медицинско-геологическая экскурсия продолжилась, набирая масштаб.

Так, почками Этерны оказались два болота, формой напоминающие орешки кешью. Ребрами Этерны — частокон наклонных камней, выставших из песчаного восточного берега и утыкавшихся в скалистую гряду Кастийяс. Ладислава поверить не могла, что это творение природы, а не золотых рук скульптора — слишком уж эти наклонные иглы напоминали храмовые подпорки в соборе Святого Пантеона. Шестиугольную колонну в центре Академии Бури Стэн назвал позвоночником острова.

А гландами Этерны были два крупных кварцевых нароста у входа в пещеру, где жил медведь-людоед.

— Если он людоед, может, не будем приближаться? — прикинула Найт, а Стэн-сова отмахнулся:

— Улетим, если что! — и тотчас ойкнул, поняв, что нет, не все улетят как бы.

От пещеры они удалялись очень быстро и на цыпочках.

Роль легких Этерны играли лиственный и сосновый ле-

са. Желудок Этерны был горячим розовым озером с алой дымкой, клубящейся круглосуточно, с глазастыми толстыми рыбами, изгнанниками доисторической эры, которые молча всплывали на поверхность и разевали рты в глубокой тишине пара.

– Впечатляющая расчлененка! – признала Найт, когда Стэн поочередно показал ей уши Этерны, колени Этерны, седло Этерны и даже пяточку... Все раскиданы по разным краям острова в полном беспорядке.

Естественно, прогулка длилась куда дольше положенных полутора часов.

Но когда Лади намекнула Стэну, что, дескать, у нее сейчас герменевтика по расписанию, ночной человек отмахнулся:

– Дык ж сама говорила – прогуливать будешь! К тому же мы еще не видели Корпус загадок.

– Ага! – Найт шла, собирая бруснику по сторонам тропинки. – А он у нас что за конечность?

– Догадайся.

Но ни одна из версий Ладиславы не вызвала у Стэна ничего, кроме булькающего совиного смеха.

– Ишь! Нет, нет и нет, – прокудахтал он очень довольный. – Корпус загадок – это душа Этерны.

– О, остров настолько живой? – удивилась Найт. – Типа *по-настоящему живой*? Как человек?

Хлестовски заметно заволновался, нахохлился:

– Так-так! Погоди, философский диспут я не потяну –

«по-настоящему живой», ишь! Иди с такими мыслями на чей-то другой урок, у меня – сказочки.

Ладислава покорно изобразила, как зашивает рот на нитку: молчу.

– Но вообще, если ты не начнешь сыпать на меня цитатами из ученых монографий, то я бы сказал, что да – остров *по-настоящему* живой, – после паузы сказал Стэн. – Наши легенды гласят, что он существовал еще в предпредыдущей эпохе – до богов-хранителей и драконов. И здесь жили сущности, неведомые нам теперь. И сама Этерна была среди них – как живая девушка, вполне полноценная личность. Но потом ее время ушло, и тогда Этерна уснула и слилась со своим любимым островом. Однако это не отменяет того, что и сейчас она живая. Просто... отличается от нас.

– Как именно?

– Ну, мы у нее на хребте пикники устраиваем, тебе мало? – прыснул Стэн.

– Нет, я имела в виду: вдруг ваш остров считает добром и наоборот. Что-то такое. Принципиально важное, понимаешь.

– Ох, Найт, насчет добра и зла даже у людей нет единого мнения!.. Но я прожил на острове всю жизнь и могу сказать, что Этерна вполне нормальная. Путники иногда видят призрачный образ спящей девушки в наших лесах и скалах – мы думаем, это и есть воплощение нашего острова. Она выглядит милой. Да, Этерне не нравится, когда слишком много

колдуют – она тотчас отталкивает от себя море. Но в остальном она добропорядочна и предсказуема.

– Ну так с отливами она тоже предсказуема, получается.

– Найт! – обиделся Стэн.

– Молчу.

– Короче. Что же касается Корпуса загадок, то сама понимаешь, чужая душа – ...

– Потемки.

– Да Найт, жмыхова ты жимница!!! Кто тут лектор?

– Пардон.

– ...Чужая душа – дело деликатное. Как и своя, впрочем. Этерна не спешит показывать корпус загадок первому встречному. Когда-то он был частью древнего замка, в котором сейчас расположена Академия Буря. Но когда маги освоили остров, заняли и восстановили развалины, корпус ушел.

– Как это? Встал и ушел?

– Да. Точнее... Не знаю, как это было сделано технически, но факт остается фактом: Этерна укрыла свою душу от чужих глаз. Сейчас Корпус загадок находится где-то в центре острова, но его местоположение...

«Не определено!» – мысленно крикнула Лади, вспомнив, что она читала это на карте в библиотеке. Но третий раз перебивать не рискнула.

– ...Не определено, – величаво закончил Стэн и задрал небритый подбородок. – Однако я знаю уловку. И, если хо-

чешь, я покажу тебе корпус.

– Хочу, конечно! И да, Стэн. Пока ты – самый лучший препод. Вот честно!

И как минимум до пятницы останешься таким.

* * *

Стэн и Ладислава целеустремленно двигались в скалистый центр острова.

– Итак, расклад такой, – протянул Хлестовски. – Корпус загадок все время перемещается, бережет свою частную жизнь. Но! Есть хитрость. Вот она: развалины могут двигаться только тогда, когда ты их не видишь. Взгляд же прищипливает корпус к месту, как булавка – бабочку. Задача тебе, адептка: как найти корпус?

– Эм, – Ладислава от неожиданности смешалась. – Не знаю.

Стэн сокрушенно покачал головой (необходимый лекторский гонор он набрал очень быстро) и вдруг по-утиному задвигал локтями, одновременно активно подмигивая.

– С воздуха? – дошло до Лади.

– Именно! Те, кто умеет летать, легко находят Корпус загадок. И могут показать его таким, как ты, – двуногим. Главное – не терять визуальный контакт. Так что... Попробуем?

И, заручившись энтузиазмом Найт, Хлестовски радостно ушел в кусты.

Через минуту оттуда вылетела ушастая сова. То, что это Стэн, было ясно сразу – удивленный взгляд, подвижные крупные уши и легкая шарообразность. Ладислава хихикнула.

– Ишь, насмехается! – заявила сова, обиженно насупившись. – Иди лу-ху-чше вещи мои возьми, а то у-ху-крадут. И оберег мой не забуду-ху-дь, он как ветка рябины выглядит.

Потом Хлестовски обозначил план действий: он взлетает над лесом, находит Корпус загадок и очень медленно летит в его сторону. А Ладислава идет по земле, следя, в свою очередь, за Стэном.

Так они и сделали.

Гулять по лесу, задрав голову, было неудобно. Вскоре ро-щи сменились болотистой местностью – стало совсем худо. Лади свистнула сове, чтоб та притормозила. Стэн послушно завис, раскинув крылья на восходящем потоке и приветливо покрикивая пролетающим мимо уткам. Те как раз прилетели на Этерну на зимовку, и Стэн от имени острова чинно приветствовал их, как полагается радушному хозяину.

Найт отыскала в сумке зеркальце и, глядя уже в него, попрыгала по кочкам. Квадрат синего неба в ее руках удивленно плыл в тишине болот, озираясь облаками. Небо в командировке.

Расскажет потом своим – обзавидуются.

Вскоре топь сменилась жесткой песчаной почвой, поросшими жухлой травой, и редкими скалами. Вокруг выросли

темные сосны. Они скрипели в высоте, как мачты, и с превосходством осыпали девушку иголками. *Несчастное создание, неприкаянное, незеленое, прими дары и убегай из нашего блаженства...*

Хлестовски летел так, что дорога Ладиславы все время забирала вверх, на холм. Девушка уже устала и с нетерпением ждала спуска: до него было метров двести.

– Уху! Мы пришли! Готовься! Сейчас начнется! – крикнул Стэн с высоты.

– Что начнется? – не поняла Ладислава.

– Защита от везу-ху-нчиков, все же нашедших корпус. Не бойся, Найт!

– Я ничего не боюсь! – мгновенно отозвалась адептка.

И тотчас поняла, что погорячилась.

Увядающая земля под ногами стала мелко трястись, как от приближения табуна. Раздался низкий, тяжелый гул, и челюсть девушки упала на грудь, когда из-за ровных рядов сосен и скал, из низины, ожидавшей впереди, вдруг поднялась...

...Свиристая штормовая волна.

Настоящая волна – морская, без шуток, – режущая, вихрящаяся пеной. Опасного цвета свинца, ледяного металла, она – зимняя, холодная – заворачивалась спиралями и накачивалась, как колесо. Волна хлестала песком, корчевала пни и неумолимо приближалась, ломая сосны, как тонкие щепки.

– Я его вижу-ху! – орал Стэн сверху, перекрикивая сти-

хию. – Не дергайся!

Ты что, совсем больной?! Если не держат сосны – как выдержу я?!

– С-с-с-сажа... – ахнула Лади. Зеркало выпало из руки и разбилось.

Найт нырнула к корням ближайшего дерева, зажмурилась, набрала полную грудь воздуха и сжалась в комок, прикрыв локтями голову, как при взрыве.

Лади думала – ее поднимет и швырнет, как куклу, а потом расплющит приливной волной, не пойми откуда взявшейся в центре острова. Лади думала – задохнется и обернется морем раньше срока. Лади думала – ну вот, ни на свидание не сходила, ни на сыск...

Рр-р-р-р-ш-ш-ш-у-у-у-ух...

Уши девушки заложило, когда их последовательно ударило сначала немыслимым грохотом, а потом – давящей тишиной.

Прошло несколько безмолвных секунд, и Найт поняла, что может дышать. Что воды вокруг нет. Она тотчас вскочила на ноги и открыла глаза. Дерево, под которым девушка свернулась клубком, все так же величаво тянулось в небо. Небо было все то же, только как будто потеряло свою прежнюю синеву: замылилось, застиралось. Сосны, «поломанные» волной, были живы-целехоньки.

Серо-коричневая сова приветственно ухнула и пошла на снижение, крича:

– Ну-ху что, нормально? Не испу-хугалась? Ишь, ничего она не боится! Могла б тогда прямо стоять, а не дергаться! Уху-хатушки! Это просто иллюзия, Найт!

Ладислава швырнула в Стэна шишку.

– Эй, ты чего! – возмутился он, уклоняясь. – А если б я сейчас зрительный контакт потерял? Или ты не наку-ху-палась?

И птица сосредоточенно задвигала бровями, таращась за спину студентки. Найт, все еще угрюмая из-за пережитого стресса, обернулась.

Там, где еще недавно торчали сосны и скалы, теперь красовался мрачный замок. Вернее, не весь замок, а будто одно крыло, вырванное с корнем.

Собственно говоря, корпус.

Корпус загадок.

Он тянулся полукругом – как изящная рука балерины. Корпус стоял на подушке из тумана. Сводчатые окна были затянуты багровыми стеклами, острые шпили соседствовали с темно-зеленой черепицей крыши. Несколько флюгеров со скрипом крутились сами по себе – безо всякого ветра...

– От такая красота есть на Этерне! – похвалился Стэн. – Пойду переоденусь. Только, чу-ху-р, ты взгляда от него не отводи! Сгинет!

– Ни за что не отведу! – пообещала Лади, с жадным любопытством рассматривая здание.

Девушка оставила Стэну вещи и медленно пошла к замку,

а потом – вдоль него, рукой касаясь замшелых стен. С пие-тетом. Щупальца тумана оглаживали ноги девушки.

Найт пошла вдоль окон. Она пробовала заглянуть в них, но толстое бордовое стекло надежно скрывало утробу. Вскоре Ладислава увидела вход в здание.

Зубцы над крыльцом щербились, как зубы бродяги. Тяжелая бронзовая дверь была украшена гравировкой: та же звезда, маяк и штормовое море, что и на входе в Академию Бурю.

Кое-что, впрочем, казалось неправильным.

– Стэн! – крикнула Ладислава, не оборачиваясь. – Стэ-э-эн!

Нет ответа. Хлестовски пока не пришел: очень тщательно переодевался «в человека». Тогда девушка, поколебавшись, взялась за ручку в форме ракушки-сердцевидки.

– Э! Стой! Ау! Найт!!! – тотчас завопили ей сзади.

Лади послушно отпрянула. Из-за сосны на одной ноге к ней попрыгал Хлестовски, на ходу натягивая ботинок.

– Ты куда рвешься, ишь?!

– Я не рвусь!

– А ну отошла от двери! Кыш, кыш! Шаг назад, студенка!

– Да почему? – обиделась Найт, когда Хлестовски схватил ее за плечи и упрямо, с силой потащил прочь.

– Потому что там опасно! Кто зайдет в Корпус загадок – тот больше не выйдет, а если и выйдет – то не в полной комплектации, как говорит мой дядюшка-кэбмен. Поверь, я не шучу!

– Это что же, у вашего острова черная душа получается? – сощурилась Найт. – Злая?

– Не злая. Просто... интровертная, – подумав, сказал Стэн. – Как я сказал, остров Этерны – мучительно древний. И, конечно, Этерна знает, что ее время ушло, а поэтому не лезет в наш мир – мир новой эпохи. А мы не лезем к ней. Легенды гласят, что внутри корпуса живут сущности, которые ушли из мира, чтобы не мешать нам, детям новой эпохи. А потому... Могут же они себе позволить немного приватности за такую деликатность, а?

Ладислава позволила себе усомниться:

– Но это довольно маленькое здание! Какого ж размера ваши сущности?

– Дык откуда ж я знаю... Но, возможно, внутри корпус больше, чем кажется. Или в нем есть ходы в другие места – раз сам он ходит, будто ферзь какой. Короче. Сущности заперлись там крепко, забаррикадировались, считай, – эти красные окна ты при всем желании не разобьешь, например, они из огненной слюды. И дверь – смотри какая крепкая! Ой...

Стэн вдруг увидел то же, что и Ладислава.

– Вот-вот, – закивала девушка. – Хреново ваши сущности заперлись. Такую щель оставили! – Ладислава обвинительно ткнула пальцем на узенькую щелку, видневшуюся между дверью и рамой.

Именно она привлекла внимание адептки пару минут на-

зад. В щели было темным-темно, и даже туман, ползущий вокруг здания, не спешил проникать в нее.

– Душно им там, что ли? Проветривают?

– От ты ж жмыховая булка! – опешил Стэн.

Потом воровато оглянулся, как-то по-птичьи подпрыгнул к двери, дернул ее на себя – она, скрипнув, захлопнулась, – и стукнул Лади по плечу:

– Валим!

– Но почему?

– Дык мало ли! Стремно что-то!

И Стэн припустил обратно к соснам, бегом.

– Урок окончен, Найт! Вали-и-и-им! – повторно завопил он.

Ладислава нахмурилась. Было обидно вот так расставаться с тайной.

Но потом она решила, что не стоит возмущаться там, где она ни д'гарра не смыслит, и с сожалением отвернулась от корпуса, думая, что тот мгновенно исчезнет.

Ладислава пошла вслед за Стэном, решая, имеет ли смысл задать ему свой извечный вопрос про «снятие неснимаемого», как вдруг по спине у нее побежали мурашки. От загровка вниз, целой стайкой. Никогда прежде Найт не верила, что можно «спиной почувствовать взгляд», а тут – нате-здравствуйте, новый опыт...

Девушка резко крутанулась на пятках и ответно уставилась на одно из багровых окон корпуса. Никуда, зараза, не

девшегося.

Ни движения. Ни вдоха. Ни ветра.

Липкая вязкость веков.

Красноглазая темнота то ли всматривалась, то ли вслушивалась, то ли внюхивалась в Ладиславу.

... Чужаки... Наш сон потревожен... Подойди, мы хотим запомнить твой запах... Хотим быть готовы... Догнать... Отомстить...

Будто темную леску протянули от Найт к окну – и по ней туда, в загадочный корпус, вытекала Найт: сладкий бергамот, лимонный леденец, пудровый аромат шампуня и хлопковый – рубашки. По элементу, по молекуле, по частице утекала Найт во тьму, пока не спохватилась.

– Стэн! – заорала она, разрывая невидимую нить. – Подожди, Хлестовски!

И рванула прочь, сквозь скрипящие сосны, охваченная внезапным страхом.

10. Ладислава бегает и раздевается

*Госпожа Элайяна, мы не совсем понимаем, зачем
вашей академии такая дисциплина, как Сыскное
Дело Для Магов, но раз вы убеждены в пользе
подобного предмета, то мы не имеем возражений.
Пусть будет факультативом.
Письмо двухлетней давности от асеринской комиссии
по высшему маг-образованию*

Когда Ладислава нагнала Стэна, им под ноги тотчас прыгнула волшебная дорожка: одна из тех, что заросли лиловыми маг-колокольчиками по бокам.

Тропа, успокоительно мерцая, повела незадачливых охотников за тайнами в замок. Она точно знала, кому и где надлежит находиться. Наводить порядок тропа считала своим долгом.

– Бр-р-р, это что-то странное, конечно! – Стэна слегка передернуло. Он шел, сняв панаму и обмахиваясь ею, как веером. – Я раньше не видел, чтобы дверь в корпус была открыта.

– Да уж... – согласилась Лади, с беспокойством ощупывая шею сзади: ей казалось, там остался отпечаток бестелесного взгляда.

Или скорее даже нюха. Найт была не из тех, кто остерегается потустороннего: по опыту, в этом мире надо бояться

людей, а не призраков, но все же в ее коленях сейчас поселилась странная желейная слабость.

– А мы должны об этом кому-то сказать? – нахмурилась девушка. – Например, леди-ректору Элайяне?

– Ни в коем случае! – всполошился Хлестовски. Он вытаращил глаза и затараторил: – Подумай сама: какое отношение имеет леди-ректор к острову? В академии она царь и бог, но жизнь острова Этерны ее не касается. Госпожа Элайяна – очень практичная женщина. Загадки ради загадок – не к ней. Она не хочет этого слышать, Найт!

Ладислава с удивлением посмотрела на сторожа-библиотекаря. Очень уж бурная реакция. Подозрительно.

– М-м... – протянула девушка, изогнув бровь. – А в военной академии учили, что при любой штатной ситуации надо обязательно оповестить старших.

– Дык я тоже старший! – взбрыкнул Стэн.

Получилось так неубедительно, что он сам же и смутился. Тогда ночной человек вздохнул:

– Найт. Нельзя, чтобы дирекция знала, что мы были в Корпусе загадок.

– Почему?

– Меня уволят. Запрещено выводить студентов на практику без одобрения. Так-то у леди-rektora своих дел хватает, чтоб еще и за мной следить. Но если я приду и признаюсь – она меня по голове не погладит. Элайяне очень важен статус академии, она целыми днями пашет, чтоб себя и нас

вытянуть на мировой уровень. И не боится сбрасывать балласт, чтоб подняться повыше. В том числе – преподавателей, к которым ходит всего один студент, которые нарушают правила и находят «внештатности». А я не хочу стать официальным балластом! Я и так на него слишком похож. Что ни день, подозреваю: я хуже, глупее и бесполезней, чем все думают. Вот-вот люди поймут это и... Не хочу, чтоб поняли. Поэтому... Промолчим, ладно? А позже я сам приду в Корпус загадок и проверю, что да как.

– Ну, как знаешь, – протянула Найт, огорошенная низкой самооценкой Стэна. И добавила строго: – Только меня возьми с собой на проверку.

– Да уж возьму, не сомневайся, – снова содрогнулся лектор.

А Ладислава поморщилась, поняв, что последняя фраза потребовала от нее неожиданно много смелости. Почему-то ей очень не хотелось возвращаться.

Просто очень.

* * *

В пятницу первокурсники шли на Сыск.

Смеющимся отрядом они шуровали по лесу вдоль реки: в академии сказали, что она рано или поздно грохнется водопадом.

Ладислава выбрала идти прямо по воде, не вдоль.

Она ловко прыгала с одного камня на другой – благо валунов в течении было множество. Вокруг не менее рьяно скакала форель. Урчали пороги. С кленов, растущих по берегам, изредка сыпались листья, по краям отороченные алым. Грело солнце.

– Водопад Проклятых Душ! Ну и название! – возмущался Хлодерик Роу, поудобнее поправляя рюкзак на плечах. Он очень не любил все мало-мальски драматичное, ибо равнял эффектность с пошлостью.

Красотка Дита, его идейный враг, блаженно вздохнула:

– А мне нравится... Наверняка там будет обворожительно мрачно!

Пока что, впрочем, вокруг царила пастораль. Бери и малюй картинку: только вместо дюжины магов, имеющихся в действительности, вставь более подходящих пастуха и пастушку.

И сотри вон того страшного огра, сделай милость.

– Огр?! – обалдели адепты, завидев одного на опушке.

Ушастый и надутый, желто-коричневый тип ростом три метра стоял впереди: там, где лес всползал на косогор и обрывался вместе с ним в долину. Река, как и обещано, обращалась в веру водопада.

Огр выглядел... плохо. Они все так выглядят. По всему миру. Страшные глаза с дефисами-зрачками. Кожа, собранная складками. Дранный в подмышках пиджак. В руке – шипастая бита. В другой – булава.

– Хей, шпана, пс! А ну сюда двинули! – свистнул огр, помахав оружием, и первокурсники вдруг стали сильно ближе друг к другу, чем раньше. – Че, сыкуете? Согласную пропустили?

– В смысле? – выдавила заметно побледневшая Хейли Хани.

– Согласную пропустили. Букву «С». Не надо вам ссыковать. Сыскать лучше, га-га-га! Студентишки!

И огр заржал, вспугнув куропаток подлеска. Его каламбур встретила гробовая тишина.

Найт перестала скакать по камням и вернулась на берег. Решив, что она тут самая старшая, Лади смело встала во главе рода Адептов Трепещущих. Тилирийским военным клином маги приблизились к огру.

– Ну че? – когда огр говорил, у него из уголка рта падали зеленые слюни. – Готовы к семинару-то?

Ладиславе пришлось задрать голову, чтоб отвечать собеседнику в лицо, а не в пуп:

– Готовы. Мы ищем мастера Голден-Халлу.

– Хы! Вот и правильно делаете. Найти Берти – это и есть ваша цель на сегодня.

* * *

Опершись на палицу, как на трость, огр многообещающе оскалился.

– Кароч, такое дело... Сегодня мы имитируем ситуацию из жизни частного сыщика. Голден-Халла пропал, типа жертва. Вам дается три четверти часа, чтобы его найти. Иначе в четыре сорок пять кое-кто придет открутить его рыжую башку. Зона поиска – весь остров. Я думаю, что вы, стадо болванов, в курсе, что в играх такого типа – обычно – запрящены две вещи. Во-первых, нельзя разговаривать друг с другом и как-либо сотрудничать: игроки не друзья, игроки – соперники. Во-вторых, нельзя обращаться с вопросами к ведущему.

Огр вытащил из-за валуна корзину с кучей мешочков внутри и стал кидать их в студентов – резко, как гномьи бомбы.

– Это подсказки. И да. Вы взяли с собой купальные принадлежности, как было велено?

Все закивали.

– Отлично. Можете бросить их сюда, – огр толстым пальцем ткнул в опустевшую корзину.

Адепты вытащили из своих сумок купальники, плавки и полотенца и, неуверенно переглядываясь, сложили кучей.

Огр кивнул.

– Короче. Надо найти Берти к назначенному сроку – пожать руку. Иначе хана. Кто найдет заранее – ваще короли, получают «пятерку». Собссна, вот и все, – он сузил глаза и выдержал паузу, глядя на растерянных адептов. – Че такие кислые? Вроде я понятно объяснил. Вопросы есть?

Он устрашающе поиграл мышцами. Роба у него была совершенно жуткая, особенно когда она неизбежно наплывала на каждого по очереди.

Адепты медленно покачали головами: вопросов нет.

– Ну и не стойте тогда, начинайте! – гаркнул огр и сел на землю, лицом к обрыву, свесив ноги. После чего достал из кармана семечки и стал медитативно их грызть, сплевывая шкурки в пропасть. Корзину с одеждой он положил рядом. Возле нее поставил песочные часы.

Студенты переглянулись. Потом неуверенно развязали мешочки и стали изучать улики. Кто-то сразу отошел подальше, соблюдая секретность.

Ладислава села на камень. У нее в мешке лежали карточки с какими-то непонятными символами. Похоже на слова... Но что это за язык, Лади не знала. Может, огрский? Это ведь огр дал подсказку? «Л» – «логика»!

Краем глаза Найт увидела, как один из ее однокурсников вдруг подпрыгивает, осененный идеей, и стремглав бросается вдоль реки прочь – обратно к академии. Почти сразу же еще несколько ребят побежали туда же.

Найт занервничала. Так-так. Наверное, они побежали в библиотеку – за огрским словарем. Ладислава уже вскочила на ноги, готовая рвануть туда же, но... Это был опасный выбор. Дорога до академии, даже бегом, займет полчаса. А куда бежать потом? Вдруг еще дальше, чем к водопаду? И нет никакой гарантии, что это действительно огрский язык!

Очень уж цейтнотистое задание получается, неправдоподобно. С другой стороны, вдруг Берти и хочет проверить, насколько быстро студенты соображают, бегают и находят информацию? Это ведь полезные умения для сыщика!

Кажется, ее однокурсники рассуждали точно так же. Еще двое ругнулись и побежали к академии, спотыкаясь на ходу. А Красотка Дита встала, громко фыркнула и гордо ушла... в лес. А это еще зачем?!

Ладислава снова волнительно уставилась в текст. От напряжения незнакомые буквы скакали у нее перед глазами.

Огр перевернул песочные часы. Это прошла минута? Или две? Или целых пять? С-с-сажа!

Хлодерик поднялся и неуклюже, по-медвежьи, побежал за Красоткой в чащобу. Ох! Они точно что-то поняли!.. Или Хлодерик просто наконец-то нашел повод уединиться?

Ладислава кусала губы, никак не могла выбрать тактику. Драгоценные секунды утекали.

В принципе, она еще может нагнать тех, кто побежал в библиотеку... Но ведь она уже столько простояла зря... Это как с двором перевозчиков: когда опаздываешь, и долго ждешь дилижанс, и он все не приходит, и ты уже не знаешь – идти пешком или все-таки подождать еще чуть-чуть, потому что если пешком – то надо было раньше...

Девушка выругалась и зло запустила камешек в реку, не понимая, как себя вести.

Огр от обрыва оглянулся на шумный «бульк».

М-да, выглядит он по-злодейски. Где Голден-Халла его нарыл? И зачем вообще брать такого страшного помощника на семинар?

Стоп!

В мозгу у Ладиславы будто маг-фонарь зажегся.

А что, если огр и есть «кое-кто», кто придет «открыть рыжую башку» в «пять сорок пять»? Как бы преступник в этой выдуманной истории? Ведь зачем-то про это сказали! Поэтому он и следит за временем, а не уходит, выполнив роль «ведущего».

Если огр – «злодей», то он знает, где находится Берти. А значит, можно просто дожидаться, пока он пойдет к Голден-Халле, и последовать за ним. Это тоже вполне по-детективному: выследить преступника и спасти жертву в самый последний момент, обогнав убийцу на финишной прямой!

Ладислава поглядела на двух других студентов, оставшихся у реки.

Кудрявый пухляш Илай паниковал, кусая ногти и раскачиваясь над карточками, как умалишенный. Кареглазая Хейли сидела спокойно, преисполненная достоинства, и лишь изредка поглядывала на огра. Карточки она отложила в сторону.

Да! По-любому, Хейли пришла к той же мысли про злодея! Вон как глазищами победно сверкает!

Ладислава облегченно перевела дыхание.

Наверняка они правы. Не зря же здесь огр. Хотя те, кто

побежал в академию, еще могут обогнать их по скорости – если Берти окажется прямо в Буре... Хотя могут и вовсе никуда не успеть...

Хотя, хотя, хотя... Одни сомнения!

Жуткое дело – сыск. Столько вариантов, и обязательно надо выбирать.

Почти как жизнь.

* * *

Минут через двадцать огр поднялся, сграбастал песочные часы и корзину с вещами и пошел вдоль обрыва.

Ладислава и Хейли вскочили и покрались вслед за ним. Найт по дороге кинула камешком в Илая: эй, вставай! – ибо пухляш умудрился уснуть, разметав вокруг карточки-подсказки, как крылья. Илай открыл ословелые глаза, зевнул: «Ой, да ну к жмыху...» и перевернулся на другой бочок на своей подушке из клевера.

Вскоре огр нашел лестницу, вырезанную в скале, ведущую в нижнюю долину.

Лестница прижималась к откосу: никаких тебе перил, только сланец по правому боку и манящая, опасная пропасть слева. Девушки продолжали идти за огром, изредка возбужденно оглядываясь друг на дружку, но сохраняя молчание – как было завещано. Сердце Ладиславы билось так сильно, будто от этой дурацкой игры действительно зависела чья-то

жизнь. В долине внизу свистел ветер. Было очень солнечно, золотые лучи затапливали луга, река триумфально шумела, разливаясь поймой, а лагуна под водопадом казалась идеальным местом для отдыха: сплошь ивы да цветы по кругу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.